

The cover features a stylized illustration of a woman and a man against a city skyline. The woman, in the background, has short brown hair and wears a dark jacket over a red top. Her face and the jacket are covered in a white, cracked, spiderweb-like pattern. The man, in the foreground, has dark hair and is wearing a dark suit with a white shirt and tie. He is looking down and to the side, holding a lit cigarette in his right hand. The background is a cityscape with various skyscrapers under a hazy sky.

ВАРВАРА ОСЬКИНА

# БУМЕРАНГИ

часть 2

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

**Варвара Оськина**  
**Бумеранги. Часть 2**  
**Серия «Бумеранги», книга 2**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67678643](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67678643)*

*SelfPub; 2023*

*ISBN 978-5-532-92052-1*

**Аннотация**

Джиллиан О'Конноли пыталась забыть его шесть мучительных лет. Вытравливала из памяти, выжигала из сердца, чтобы в конце всё же подняться с ним рука об руку по ступеням Белого Дома. Она знала, что убьёт ради него. А он? Поговаривают, политика – грязное дело. Джиллиан знала это наверняка. Во второй части Джиллиан продолжает сражаться за своё счастье как в прошлом, так и в настоящем. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

1	8
2	49
3	64
4	97
5	108
Конец ознакомительного фрагмента.	125

# Варвара Оськина

## Бумеранги. Часть 2

«Wind And Window Flower»

Р. Фрост (Перевод В. Топорова)

*Влюбленные, вот вам рассказ  
О том, что такое любовь.  
Она была розой в окне,  
Он – ветром ночных холодов.  
Заметил её он, когда  
Январское солнце взошло,  
И в клетке проснулся щегол,  
И разынделело стекло,  
Заметил её он в окне,  
Не ведая, что предпринять, —  
Заметил – и прочь полетел,  
Чтоб ночью вернуться опять.  
Но лишь зимним ветром он был. —  
Зимою же всё естество  
Скрывается в спячку, в снега... —  
Не знал о любви ничего.  
И всё-таки он тосковал,  
И рамы оконные тряс,  
Чтоб роза не вздумала спать*

*Сейчас, когда здесь он как раз.  
И может, она бы сдалась  
И с ним ускользнула во мрак  
Оттуда, где тишь и покой,  
Где зеркало, стол и очаг,  
Но нечего было сказать  
Ей зимнему ветру в ответ —  
И в тысяче миль от неё  
Он встретил наавтра рассвет.*



**БУМЕРАНГИ**



# 1



**6 лет назад**

**Чикаго, штат Иллинойс**

*Апрель*

Джил сбежала по ступеням вниз, вырвалась из душного холла на залитую дождём улицу и растерянно заозиралась по сторонам. Первой реакцией после непродуктивного, но очень эмоционального битья чашки, было желание собрать вещи и бросить Рида вместе со всеми его скандалами. К чёрту! К дьяволу! В преисподнюю! Потому что все эти месяцы и даже годы она, видите ли, переживала. Она, чёрт возьми, думала о совершенно ненужных вещах. Воображала, искала хоть какой-нибудь шанс. Пока Бен... Бен, раздери его тысяча чертей, трепетно рассказывал о чувствах, приручал лаской, добивался искренностью, читал морали, хотя сам... Джил зарычала.



О, разумеется! Она с извращённой дотошностью изучила документ на сайте «Чикаго трибюн». Выучила до последней ошибки даже не заявление, как драматично назвали кусок бумажки ведущие утреннего телешоу, а письмо, адресованное, конечно же, Риду и полное отчаяния того сорта, что испытывает каждая изнасилованная женщина. Опустошение.

*«Мне было больно! И ты это знал. Тебе это нравилось!»* – писала несчастная. И Джил с содроганием вспоминала последний опыт с собственным мужем. На душе было удивительно гадостно, однако, заметив автоматы с газетами, Джиллиан трясущейся из-за амфетамина рукой вставила в отверстие мелочь. Она пыталась понять, отчего же её так это задело. Почему? Из-за чего? Это не первый скандал и, если хорошенько подумать, пока даже не крах всей кампании. Однако на сердце было мерзко как никогда. Ведь это же Бен! Её волшебство! Разве человек, которым она восхищалась, которого ставила выше любых известных политиков, кого так отчаянно и безнадёжно любила... Разве он посмел бы так поступить? Разве сумел бы опуститься так низко? Но, взяв в руки «Чикаго трибюн» и опять взглянув на письмо, она медленно прикрыла глаза. Видимо, поступил. Видимо, сделал.

Собрав в кулак истощившиеся моральные силы, Джил свернула газету и быстро зашагала к метро. Сердце колотилось, точно безумное, и грозило выскочить из груди то ли из-за стимуляторов, то ли из-за безумного гнева. Честное слово, Клейн с ней в жизни не рассчитается за такую кампанию.

Впрочем, несмотря на свои собственные проблемы, старик вряд ли обрадуется, если Джил оставит Рида на съедение прессе. Он даже мёртвый будет пропихивать в Конгресс свой закон. Да Впрочем, она никогда и не собиралась бросать. У неё не получилось забыть Бена за шесть мучительных лет, так неужели один-единственный случай станет той точкой, что перевернёт отношение...

Она резко остановилась, чем вызвала ругань едва не споткнувшегося о неё прохожего, но даже не заметила этого. *«Джил О'Конноли нье из тьех, кто мьеняет свои убьежждения. Но, может, совсьем скоро это измьенится...»* – прозвучал в голове приторный голос. Застонав, Джиллиан сжала переносицу дрожащими пальцами и рассмеялась.

– Какая ты мразь, Сандерс, – пробормотала она и снова зашагала в сторону станции.

У Джил пока не было идей, как им быть дальше, всё зависело от того, что скажет Бен... Но, набирая номер Энн, она не сомневалась, что и в этот раз справится. Не могла иначе. Не имела права. Но, Бен! Чёрт возьми, Бен!

В девять часов утра в метро было не протолкнуться. Повсюду кишели люди, которые старательно разбрызгивали со своих зонтов воду. Они дышали в затылок, толкали в бок и слишком громко переговаривались, разнося по подземке аромат кофе и мятной жвачки. Едва не до боли сжав зубы, Джиллиан принялась мелко и часто дышать через рот в по-

пытке из последних сил подавить тошноту. Впившиеся во влажные страницы пальцы давно онемели, спина покрылась испариной и казалось, что от любого движения Джил вот-вот сорвётся в неконтрольную рвоту.

Через силу задохнувшись в полный вагон, она вытянула руки по швам и постаралась не дотрагиваться до поручней и пассажиров. Поезд трясло и с грохотом качало на каждой неровности железнодорожного полотна, пока мимо пронеслись огни тоннелей и станций. Хотелось закрыть глаза и представить, что этого утра не было. Как не было вчерашнего вечера, последнего месяца, а может, и целого года. Но вместо этого взгляд то и дело наталкивался на заголовок треклятой газетки, будто всё население Иллинойса решило разом ознакомиться со светской хроникой.

Люди обсуждали, негодовали, строили догадки, искали объяснения, пока Джил тихо фыркала в высокий воротник пальто. Это смешно! Какое может быть оправдание для насилия? Нет, для публики Джиллиан, разумеется, его найдёт, но в своей душе вряд ли. Она должна узнать правду. Самую некрасивую, отвратительную, тошнотворную. Ей было надо, чтобы Рид лично рассказал, как грубо поимел какую-то девушку. Произнёс это тем самым ртом, которым признавался в любви и целовал.

Брезгливо дёрнувшись, Джиллиан почувствовала, как от этих воспоминаний вдруг стало хуже. Дурнота оказалась почти невыносимой, и Джил едва слышно застонала, ощутив

во рту привкус желчи. Она попыталась втянуть спёртый воздух вагона, но подавилась им и в последний момент успела удержать рвотный позыв. От этого перед глазами заплясали белые точки. Сознание решило уплыть за горизонт, но тут кто-то больно толкнул в рёбра, и Джил через силу очнулась.

Нужная станция встретила приятным безлюдьем и сырым ветром, что рыскал под мутной пластиковой крышей платформы. Джиллиан никогда не бывала в родительском доме Бена. Знала адрес, видела фотографии белого особняка, окружённого толстыми прутьями кованого забора, но ни разу не переступала порог. Все встречи проводились в офисе Рида, а попытки разговоров с Алишей – в те дни, когда она приходила выклянчить денег у мужа. И вот теперь Джил впервые спешила по маленькой улочке, которую застроили гнёзда чикагской бизнес-элиты. Главный город Среднего Запада был очень богат.

Золотые часики на руке показывали чуть больше половины десятого, когда она нажала кнопку электронного колокольчика. Джил не знала, дома ли Бен, читал ли новости, обрывал номера знакомых репортёров и адвокатов. Он больше ей не звонил. Уже четыре часа. С тех самых пор, как прошёл последний из семидесяти с лишним вызовов, от которых всю ночь сотрясался брошенный в коридоре телефон. Джил лишь надеялась, что он пытался предупредить именно об этом, а не искал очередных поводов для объяснений в любви. Она вздохнула и в этот момент дверь перед носом

открылась.

Спустившись по ступеням, Джиллиан толкнула одну из створок центрального входа и очутилась в огромном, почти пустом холле. Невольно затормозив, она с каким-то неожиданным удивлением оглядела белые каменные полы, галереи сквозных комнат, огромную, возносящуюся мягким винтом лестницу. Дом был огромен, но его пространство терялось за вереницей – о, можно было даже не сомневаться! – тёмных, тяжёлых шкафов. Книжные монстры в точности повторяли квартиру, что находилась в другой части города, и занимали здесь каждую стену, выглядывали из соседних гостиных и сонно дышали там, где прямо сейчас стояла Джил. В коридоре. Боже! Это точно дом Рида.

Джил посмотрела по сторонам в поисках хоть одной живой души, аккуратно поместила зонт в специальную подставку и, наконец, уловила бубнёж телевизора. Двинувшись на звук, она миновала пару почти идентичных комнат, которые различались лишь степенью загруженности полок с книгами, и остановилась в дверном проёме.

– Нет, я не согласен с вами, Джефф, – вещал один из гостей утренней аналитической передачи. – Думаю, скандал вокруг губернатора Рида, это чья-то грубая провокация, и не стоит сбрасывать его со счетов. Избирательные кампании в самом разгаре, кандидаты готовы перегрызть друг другу глотки. Самое время для разных скандалов. Уж поверьте, всё это легко разрешится. Так что, полагаю, уже в ближайшие

пару часов мы получим официальный ответ...

– Он в г'раже, – не оборачиваясь протянула Алиша.

Супруга Бена небрежно облокотилась на спинку дивана около телевизора и лениво отрывала ягоды с лежавшей перед ней виноградной грозди.

– Всю ночь пр'вазился со своим драндулетом. Даж не выходил ещё.

– ...Скандал определённо достигнет Вашингтона.

– Однако личность пострадавшей до сих пор не установлена...

– Не знала, что ты интересуешься политикой, – хмыкнула Джиллиан и уже собралась было отправиться на поиски мистического «г'ража», но раздавшийся ответ вынудил остановиться.

– П'чему нет? Благодаря тебе, я те'рь замужем за бывшим губернатором, – пренебрежительно бросила Алиша, слегка обернувшись. – Над' быть в курсах, чтоб тако' больше не повторилось.

Джил помолчала, а затем чуть скривила рот в презрительной полуулыбке и тихо произнесла:

– В нашей стране нет ни бывших губернаторов, ни бывших президентов, миссис Рид. Что бы ни случилось, твой супруг сохранит к себе почтительное обращение до самой смерти как дань признания его заслуг на посту. Мы чтим и уважаем, вне зависимости от того, был ли удачным срок, складно ли говорил, верно ли поступал, ведь он – наш соб-

ственный выбор. Олицетворение нашей морали и стремлений. – Руки стиснули чуть влажную от уличной сырости газету. – И было бы неплохо, знай ты об этом.

– Он мой муж. П’таму я могу относиться к нему как хачу.

– Унижение собственного решения, каким было твоё желание выйти замуж за Бена, не добавляет тебе ума в глазах общества, а ему рейтингов, – всё так же негромко проговорила Джиллиан. – Не знаю, что происходит между вами, но сейчас ему нужна твоя поддержка. Каких бы дел он ни натворил раньше...

От мыслей о Бене снова стало чертовски нехорошо, и она прервалась. Однако Алиша ничего не сказала. Лишь закинула в рот ещё одну ягоду винограда, а Джил непроизвольно покачала головой. Похоже, это действительно безнадежно. Развернувшись, она вышла из дома под проливной дождь и пустилась на поиски Рида.

Гараж отыскался достаточно быстро, стоило лишь обойти особняк. Небольшая пристройка под серой крышей могла бы стать неплохим гостевым домиком, не используя её давным-давно под автомобильные нужды. Дверь открылась легко, почти бесшумно, и Джил скользнула в ярко освещённое помещение, где вопреки любым правилам безопасности оказалось накурено. Попробовав вздохнуть, она едва не закашлялась. Лёгкий сквозняк чуть разогнал пелену тумана и

принёс аромат машинного масла, резины, а следом чего-то совершенно непередаваемого.

Несмотря на стену дыма, Рид нашёлся сразу. В джинсах и обычной мятой футболке он стоял у капота раритетного автомобиля и, зажав меж пальцев сигарету, придиричиво разглядывал неведомую деталь. Джиллиан изумлённо моргнула и перевела взгляд на машину. Медная окантовка жемчужного корпуса, замысловатая форма крыла, немного забавные круглые фары... Откуда у Рида такое чудо? Станный, слегка космический автомобиль напоминал рыбу или акулу. А Бен, что непринуждённо опирался бедром на аккуратно застеленный полотенцем капот, – ихтиолога. Джиллиан шагнула вперёд и едва не наступила на развалившийся телефон, чей аккумулятор валялся чуть впереди. Что же, вот и причина радиомолчания.

И в этот момент она вдруг не выдержала. От вида спокойного и сосредоточенного лица Бена захотелось орать так, чтобы звуковой волной вдребезги разбить каждую имеющуюся здесь стекляшку. В бешенстве Джил пнула сломанный телефон, и Рид вздрогнул.

– Я же попросил не заходить сюда! Это слишком сложно? – рявкнул он раздражённо, но не обернулся. Окурок метко отправился в жестяную банку, которая, кажется, видала ещё Войну за независимость.

Джиллиан зажмурилась и с трудом подавила разочарование от нарочитой грубости. А ведь Бен казался ей таким



джентльменом! Или он такой лишь на людях? Боже, неужели на этом всё, и нимб погас? А ведь Рид прикасался к ней! Трогал своими руками, обнимал, целовал... От этих мыслей вновь накатили дрожь, тошнота и головокружение, вынудив схватиться за стену, но тут же дёрнуться от отвращения.

Здесь всё было тем Беном, с которым сейчас она не могла иметь ничего общего. Да, Джил пыталась рассуждать здраво, хотела вернуть на привычное место логику и расчёт, но не справлялась. Смотрела на широкую спину, на небрежно зачёсанные назад волосы, вспоминала все их полемики, своё восхищение, и просто не могла. В ней боролась влюблённая женщина, сходившая с ума наркоманка и равнодушная, циничная сука, которой Джиллиан была слишком долго. Последняя, как всегда, победила.

– Опять тычешь пальцем в небо и опять мимо.

Бен оглянулся. Рывком повернул голову и медленно опустил руки, пока замороженно наблюдал, как к нему приближалась Джил. А потом сам шагнул навстречу... И в его взгляде оказалось столько удивления и робкой радости, что Джиллиан сорвалась. Падать вместе с Беном оказалось больно.

– Джил... – осторожно начал он и отшатнулся, когда с глухим хлопком его щеку припечатала сложенная в несколько раз газета.

Удар вышел сильным, оставив на скуле смазанную типографскую краску и порезы тонкой бумагой. Две пощёчины за два дня. Кажется, она выбила страйк! Но тут раздался звон

выпавшей детали, а в кисти впились пальцы Рида. Больно дёрнув Джиллиан на себя, он едва не впечатал её в борт машины, а потом это произошло...

Снова горло сдавило то самое чувство осклизлых касаний. Снова Джил пыталась вырваться до того, как её позорно стошнит. Но Бен держал крепко и легко игнорировал безумные потуги освободиться, покуда медленными и глубокими вздохами пытался сам себя успокоить.

– Какого хрена ты творишь?! – рык непонимания отразился от стен, пошевелив волосы на голове Джил.

– Руки убери!

– Да что с тобой?

– Убери!

Она задыхалась. Бен стоял так близко, расплёскивая через край раздражение, что тот ощущался физически. И Джил тонула. Захлёбывалась собственным сумасшествием и болью в тонких запястьях. Желудок свело, и она забилась сильнее, когда поняла: ещё секунда, и её вырвет. Ещё мгновение, и...

И всё закончилось. Едва только Рид понял, что происходит, он отпустил и стремительно отступил прочь, разгибая напряжённые пальцы, словно хотел забыть это прикосновение. На пол полетела газета, но Бен не заметил. В абсолютном неверии он смотрел, как Джил лихорадочно оттирала ладони салфетками. Как снова и снова выдавливала безумные порции вонючего антисептика и, задрав рукава, втирала в кожу, а потом нервно скребла ту ногтями. Ещё и ещё, пока

в синтетическом запахе не растворилась подлая тошнота. И эти привычные движения, что раздирали до кровавых ран, сказали Бену больше, чем брошенный в его сторону испуганный взгляд.

– Я настолько тебе омерзителен?

И Джил не знала, чего было в его голосе больше: раздражения, сарказма или... столь тщательно спрятанного отчаяния, что, не вырвись тот лишним вздохом, она бы и не заметила?

– Что ты! – голос её звучал резко. – Обожаю, когда меня лапают.

– Я не... Ты в порядке?

– Тебя не касается. Однако было бы восхитительно, предупреждай ты о подобном дерьме заранее. Есть что сказать в своё оправдание? – прошипела Джил и в последний раз нанесла гель, делая вид, что ничего не было. Будто это нормально – раздавать оплеухи, почти падать в обморок, а потом кидать обвинения. В порядке ли она? Да. В полном. Разве что, окончательно тронулась.

– У тебя руки дрожат, – заметил нахмурившийся Бен, и Джил инстинктивно сжала пальцы в кулак.

– Да послушай меня! Почему, доверив вести кампанию, ты даже не потрудился предоставить всю информацию. Почему не предупредил, откуда мне ждать удар? А?! Она пода-  
ла заявление в полицию? Сделала хоть что-то? Отвечай! И не прикидывайся, что не знаешь!

Но Рид не слушал. Только метался взглядом от покрасневших запястий к бледному лицу и обратно – к нервным пальцам, в которых жалобно съёжился флакончик с антисептиком. Бен безотчётно протянул руку, словно хотел было дотронуться до стёртой кожи, но Джиллиан увернулась.

– Тебе больно? – наконец тихо спросил Бен, а она чуть не рассмеялась – истерически, громко, абсурдно.

Больно? Откуда ей знать? Джил не понимала, потому что сходила с ума. Потому что амфетамин лишил её единственного человека, который дарил ей тепло и уют. Потому что руки горели не от хватки удивлённого Бена, щеку которого расчертили две тонкие красные полосы, а от безумного разочарования в нём. Потому что Джиллиан чувствовала себя преданной, хотя не имела никаких прав на верность.

– Забудь.

– Прости, я не рассчитал...

О боже! Они на грани катастрофы, а он так отчаянно переживает из-за каких-то следов.

– Почему ты не сказал?

– Не сказал что?

Бен наконец посмотрел ей в глаза. Вздохнув, он принял игру, но Джиллиан знала, что ненадолго. Рид обязательно вернётся к самой больной для них теме – её реакции на прикосновения. Достигнув так много за эти несколько месяцев, почти добравшись до сути, он больше не даст отмолчаться. Не после того, как наконец-то вырвал признание. Однако

сейчас Бен шёл на уступки, и Джиллиан, которая выплеснула весь скопившийся гнев, заметила покрасневшие глаза, щетину на подбородке, вымазанные в машинном масле руки и перепачканную футболку. Видимо, он действительно провёл в гараже ночь и ничего не знал.

Вслед за этим откровением, неумолимо накатил стыд, и Джил присела на корточки, чтобы поднять газету. Сунув её в руки Рида, она постаралась не встречаться с ним взглядом.

– Читай.

– Что ты с ней делала? – пробормотал он, попытавшись осторожно открыть намертво зацепившиеся листы.

– Тренировала искусство оригами, – огрызнулась Джиллиан и поднялась.

Что на неё, чёрт возьми, нашло? Почему сердце металось в разные стороны, а руки дрожали? Гнев выплеснут, эмоций нет, но пульс по-прежнему слишком частит. Неправильно. Всё как-то пошло неправильно. Тем временем Бен открыл первый разворот и замер.

– Нам нужно дать официальный комментарий. И чем скорее, тем лучше.

– Я понимаю, – ровно проговорил Рид. Но Джиллиан видела, как медленно вытянулся в тонкую линию несоразмерно большой рот и затрепетали крылья несуразного носа. Между бровей легла морщинка, а потом он дёрнул головой, будто пришёл в себя.

– Мне необходимо знать, что произошло. Правду, Бен.

– Разумеется, – всё так же спокойно ответил он, а потом медленно сложил газету, прислонился к кузову машины, достал сигарету и закурил.

– Бен?

– Это случилось три года назад, и здесь нечего, в общем-то, слушать. Редкостная дыра, городок на самой границе с Кентукки. Мы были там с тобой в прошлом месяце.

– Почему?

– Слишком много алкоголя, слишком мало здравого смысла. Мы не должны были там задерживаться, но сезон торнадо неумолим. В общем, гостиничный бар – официантка – финиш.

Рид скривился, повертел в руках сигарету и глубоко затянулся. Наступила та самая тишина, когда лучше бы промолчать, дать договорить и не вмешиваться. Но Джил, как всегда, не смогла. Язык жёг самый важный вопрос. Добровольно... или заставил? Не хотел, но сделал или же... А потому, переступив с ноги на ногу и жалобно скрипнув набойкой, Джил тихо проговорила:

– Она пришла сама?

– Да, – Бен кивнул. И от нахлынувшего облегчения с плеч будто рухнула пара колонн Белого дома. Джиллиан пошатнулась. Но в этот момент Рид вдруг оскалился. – Однако это моя вина. Когда на тебя весь вечер пялятся, трудно понять это как-то иначе, верно? А я смотрел. Неотрывно. Казалось, физически не мог отвернуться и планомерно надирался де-

щёвым виски, пока она подливала снова и снова. Ну а мне уверенно сносило крышу. Лицо, улыбка, глаза... даже то, как нервно дёргалась её щека, когда кто-то из клиентов позволял себе лишнего. Дерьмо, ты даже не представляешь, насколько это было удивительно.

Он негромко рассмеялся и покачал головой, видимо, вспоминая.

– Неужели настолько хорошенькая? – нервно усмехнулась Джил, а сама пыталась избавиться от идиотического и неуместного чувства ревности. В голове уже щёлкали варианты решений: обманутый губернатор, соблазнение, наркотик в стакане с виски... Но тут Рид встрепенулся, непонимающе на неё посмотрев, а затем негромко хмыкнул.

– Хорошенькая? Не знаю. Я как-то никогда не задумывался...

– Господи, ну, было же что-то! – раздражённо воскликнула она, но следующие слова сначала вынудили насторожиться, а потом недоумённо посмотреть в глаза Бена. Они улыбались.

– Было? Конечно. Вся она целиком. От макушки до её туфель. От веснушек до ума, что блистал из каждого острого слова. Её хитрость, упорность, женственность, воля...

– Господи, Бен, ты устроил с ней философский диспут, прежде чем поимел? Не думаю, что официантка составила тебе достойную конкуренцию, – нервно перебила Джиллиан. Но Рид лишь затанулся.

– Официантка? О нет. Что ты... Никогда в жизни я не испытывал большего разочарования, чем в момент, когда она открыла рот.

Джил ошарашенно посмотрела на Бена и попыталась связать воедино бессмыслицу.

– Ты можешь сказать нормально, что тогда произошло? Трахают за мордашку и сиськи, но никак не за мозги да харизму.

– Возможно, – флегматично отозвался Бен, который, кажется, даже не слушал.

– Хорошо. Если она пришла сама, то почему ты так поступил?

И в этот момент Рид посмотрел на неё, точно перед ним стояла блаженная.

– Потому что я хотел вовсе не её. Но и подачки были мне не нужны.

Джиллиан застонала.

– Я ничего не поняла. Если тебе не нужна она, то кто и почему...

Она оборвала себя на полуслове и выдохнула. Пазл сложился, а Рид тихо хмыкнул.

– Бен, это безумие.

– Я даже не спорю. – Он снова затянулся, отвёл взгляд и холодно заговорил: – С расчётливостью типичной провинциальной стервы Алиша быстро поняла, как может использовать почти невменяемого гостя. Тем более, губернатора шта-



та. Согласись, такие возможности не валяются на дорогах в забытых богом городках. Но я не снимаю с себя вины.

– Что ты с ней сделал?

– Изнасиловал, там же написано. – Бен махнул газетой. – Тебе подробно описать неупомянутые в письме позы или хватит того, что ей оказалось это не в радость? Нет? Поверь, счета от её психотерапевта были весьма поучительны.

Рид хмыкнул, но Джил видела, насколько ему противно от самого себя. Пальцы так смяли мягкий сигаретный фильтр, что тот превратился в непонятное крошево.

– За что?

– Решила сыграть в недотрогу, но было поздно. Я уже плохо соображал, когда она закрыла лицо руками и отобрала мою единственную иллюзию. Помню только невнятные крики да своё бешенство...

Кинув на пол газету, Бен окончательно смял пальцами ещё непогасший окурок и раздражённо чиркнул зажигалкой. Потом ещё раз, и ещё, пока Джил не выдержала и не схватила с капота полупустую пачку «Мальборо». Вытащив непослушными пальцами сигарету, она сунула ту в руки Рида и отобрала зажигалку, с первого раза высекая ровное пламя.

– Я благодарна, что это не мальчик из церковного хора, – раздражённо выдохнула Джил, а глубоко затянувшийся Бен поперхнулся дымом. – Ты идиот. Почему делу не дали ход?

– Потому что я предложил ей кое-что взамен. Алиша согласилась и не стала писать заявление. Откуда взялось это

письмо – понятия не имею. Оно поддельное, потому что Алиша ошибается в каждом слове, а не через одно. Да и прошлое я, конечно же, уничтожил.

Чёрная бровь растерянно поднялась вверх, покуда Джиллиан боролась со жгучим желанием залепить третью пощёчину. За глупость. Так бездарно попасться мог только благороднейший Рид, который и представить не мог, как можно иначе решить эту проблему. Предался фантазиям, и вот! Нонсенс! Джил хотела было презрительно фыркнуть, но вдруг замерла. Бен был лучше неё. Он всего лишь позволил себе помечтать, хоть и потерял связь с реальностью. А вот Джиллиан осознанно грешила так долго и часто, что это Риду впору испытывать гнев и отвращение. Она же сама больше не злилась. Её разочарование застопорилось на полпути, а потом окончательно захлебнулось. Она принимала этого мужчину. Как и он сам вчера на той остановке принял Джил со всеми ошибками, глупостями и гордыней.

И наконец-то осознав всю глубину их общего падения, она подняла руку и осторожно стёрла выступившие из порезов на щеке капельки крови. Никакой дурноты и отвращения. Ничего. Только понимание, что они с Беном до смешного похожи! А затем её руку накрыла большая ладонь, скользнула чуть ниже и, очертив вены на покрасневших запястьях, замерла там, где трепетал пульс.

– Нет, Джил, я не быю свою жену, что бы ты ни думала всё это время, – тихо произнёс Бен. – Ненавижу нас обоих за

то, что случилось, но никогда не посмел бы ударить. Бываю груб, могу схватить, чтобы эта ненормальная не выцарапала мне глаза в приступе очередной ревности. Но ничего больше. Мы оба знаем, как сильно ошиблись, и каждый день напоминаем об этом друг другу одним своим видом.

– Не проще ли тогда развестись?

– Ты слышала ответ, – протянул Бен, огладив подушечками пальцев тонкую кожу запястий. А Джил прикрыла глаза.

Рид мог не объяснять. Меркантильность, шантаж и чувство вины оказалось единственным, что смогло положить на лопатки отживший анахронизм чести Рида.

– Я сделаю официальное заявление. Опровергну выдвинутые обвинения, – тем временем договорил он. – Доказать большего они не смогут, потому что дело так и не было заведено. Моих слов будет достаточно.

Джил покачала головой, мягко освободилась и теперь задумчиво покусывала палец, который до сих пор пах антисептиком. Она думала, что теперь делать, и опомнилась лишь от ощущения металлического привкуса крови на языке. Чужой крови. Не её. И сначала даже не поняла, что случилась, только подняла на Рида растерянный, чуть нахмуренный взгляд.

Зато Бен всё понял быстро. В следующий миг он уже дёрнул Джил на себя и немедленно прижался губами к открытой шее. Деликатно задела подбородок щетина, и кожа Джиллиан покрылась мурашками. Без сомнений, они оба сошли с ума, но у своевольного тела ушло не больше секунды, прежде

чем оно победило рассудок и прижало к широкой груди. Джил прикрыла глаза, улыбнулась куда-то в ворот грязной футболки и медленно провела по тяжёлым лакричным прядам, отчаянно вдыхая аромат сигарет, масла и пота.

– Не уверена, что скандал разрешится так просто. Мы зашли слишком далеко, – пробормотала она, пока тёплые губы Бена собирали биение её пульса. – Общественности потребуется что-то посерьёзней пары фраз.

– Значит, поучаствую в паре дурацких передач, – фыркнул Рид, а затем неожиданно отстранился и зачем-то ощупал лоб Джил.

– Ты слишком беспечен! – Она попыталась увернуться от навязчиво скользнувшей по шее руки, но та едва заметно задержалась где-то под челюстью. – Нам придётся сильно постараться, чтобы переключить внимание избирателей на другое. Изнасилование так просто не забывают. Такой скандал – нешуточный удар по твоей репутации и рейтингам.

– М-м-м, – протянул Бен. – Забавно, но прямо сейчас мы создаём новый.

– Бен! – ахнула она и отшатнулась, мгновенно стряхнув с себя любовное наваждение. Но Рид был готов. Он крепко держал добычу и чуть прищурившись смотрел на вырывающуюся Джил. – Это плохо. Нам нельзя. Перестань, мы действительно не можем. Не имеем права!

Она прервалась, когда пальцы Бена деликатно приподняли её подбородок и чуть повернули. В глаза ударил свет, и

Джиллиан сморгнула навернувшиеся слёзы. Какого чёрта?

— А всё же, что у тебя с глазами? — задумчиво спросил Рид, и Джил застыла. — Некоторые капли иногда вызывают тахикардию и характерное покраснение, расширяют зрачки... Твои не реагируют на свет, ты в курсе?

— Не твоё дело!

В этот раз она дёрнулась сильнее, одновременно ударив по удерживавшей в хватке руке. Но её больше никто не держал.

— Опять сбегашь? — с лёгкой угрозой спросил Бен и задумчиво наклонил голову набок. — Что с тобой происходит, Джил? У тебя жар, аритмия и странный набор остальной симптоматики. Откуда столько страха... агрессии? Я же помню, что ты не такая.

Не такая?! Господи. Она ещё хуже! Джил подняла голову, чтобы сказать это вслух, но наткнулась на пристальный взгляд и испугалась. В её извращённом сознании наркомана резко забился сигнал тревоги, призывая убратся отсюда как можно скорее. Так что Джиллиан отступила на шаг. Потом ещё, и ещё, настороженно глядя на замершего с непроницаемым лицом Бена, а тот не делал попытки остановить. А значит, она только что выдала себя. И тогда Джил приняла единственное казавшееся верным решение — развернулась спиной к молчавшему Риду и стремительно направилась к выходу. Прочь!

— Сбегашь... — голос Бена был страшен.

— Разберись с репортёрами. Со всем остальным я справ-

ляюсь.

– Нет.

– Отлично. Тогда я сама.

– Нет.

Джил остановилась и медленно обернулась.

– Что?

Это смешно! Она хотела было пренебрежительно фыркнуть, но тут их взгляды встретились, и Джил замерла.

– Я запрещаю тебе в это вмешиваться, – почти по слогам произнёс Бен, а она нервно сглотнула, поняв, что ей приказали. Рид действительно требовал и не сомневался, что Джил подчинится. – Пока я не узнаю, что ты скрываешь и так безумно боишься выдать, тебе нельзя верить.

Она на мгновение застыла, а потом нервно усмехнулась.

– Пробираешь себя в роли шантажиста? Неплохо, но поздно...

Джил замолчала, когда он неожиданно шагнул к ней и припечатал рукой дверь, отрезав пути для бегства. С высоты своего роста Бен разглядывал её из-под полуприкрытых век и, казалось, мечтал свернуть Джиллиан шею.

– Да ну? – выплюнул он и скрипнул зубами.

– Хватит! Хватит лезть в мою работу и в мою жизнь.

– Ты сделала свой выбор. Не пожалей.

– Что?! Тебя это вообще никак не касается! – фыркнула она. Бен же помолчал пару секунд, а затем скривился в пустой протокольной улыбке.

– Миссис О’Конноли, вы отстранены, – сухо проговорил он и резко отдалился, чтобы демонстративно распахнуть злосчастную дверь. – Прошу.

– Что?!

– Вы свободны.

– Какого чёрта, Рид!

– Я выразился как-то непонятно? Вон.

Унизительный приказ резанул по гордости, вынудив вскинуть голову и едва ли не с ненавистью посмотреть в спокойные глаза Рида. Он не имел никакого права так с ней обращаться!

– Попутал меня с прислугой?

– Либо ты говоришь, либо пошла вон.

– Не ты меня нанимал, чтобы приказывать. Слышишь?

– Идите вон, миссис О’Конноли.

– Ты, — взвизгнула она и ткнула пальцем в масляное пятно на футболке, – окончательно зарвавшийся эгоистичный, заносчивый, грязный ублюдок!

Бен выслушал её молча, а затем наклонился к её лицу, презрительно скривил губы и выдохнул:

– Вон.

Ошавев от такой наглости и невероятного чувства обиды, Джиллиан стиснула зубы и вылетела под усилившийся дождь. Через секунду за спиной раздался грохот закрывшейся двери и что-то оглушительно лязгнуло.

Как он посмел?! Джил бежала по вымощенной плиткой

дорожке и едва не метала во влажную пелену молнии. Как только подумал, что может требовать от неё что-то?! Приказывать! Выгонять! Что за наглый, самоуверенный эгоист! Какое у него право вмешиваться в её жизнь, утаивая свою? Она же не спрашивает, как часто он трахал Алишу и трахает ли вообще. А между прочим, в их ситуации это весьма животрепещущий вопрос!

Джил зарычала, рванула на себя кованую дверь и застонала, стоило только очутиться на улице. Потому что прямо перед воротами, в плащах-дождевиках и под разномастными зонтами толклись репортёры и журналисты, которые очень хотели поговорить. Тут же мелькнула первая вспышка.

– Миссис О’Конноли, – раздался голос, пока она пыталась проморгаться, – как вы прокомментируете события вокруг мистера Рида?

– Последует ли официальное объяснение?

– Вы уже знаете сегодняшние рейтинги?

– Что сказал Вашингтон?

– Это...

– ...правда?

Вопросы доносились со всех сторон, пока Джиллиан прокладывала путь сквозь толпу и с каждой секундой злилась всё больше. Рид должен выйти прямо сейчас. Обязан! Раз уж запретил вмешиваться в свой скандал, так избавил бы от приставучих ублюдков.

– Кто будет курировать расследование?



– Будет ли расследование вообще?

Голоса звенели, резче становились щелчки фотокамер, словно хотели расстрелять из стеклянного дула горячего материала. И среди этого гвалта, продравшись сквозь шум, чей-то спокойный вопрос прозвучал слишком уж дико:

– Примете ли вы завтра участие в теледебатах? Говорят, вам было отправлено приглашение.

Джил резко остановилась, и стало тихо. Она посмотрела по сторонам и сразу нашла взглядом спросившего. Один из республиканских колумнистов в «Чикаго трибюн», мастер скандалов на пустом месте, гад, сволочь и автор той самой статьи широко улыбнулся.

– Мистер Сандерс приглашает вас на беседу в прямом эфире. Что скажете?

Джиллиан на секунду прикусила губу, а потом... Да пошло оно на хер!

– Разумеется, я с удовольствием приму...

– Нет.

Бен появился, как всегда, неожиданно, нарушив ряды писк своим видом. Он возвышался над их головами всё в той же футболке и будто не замечал ни ветра, ни лившего с неба дождя. Он был похож на обычного работягу, и Джил не сомневалась, что он вышел в таком виде нарочно. Тем временем Бен обвёл взглядом собравшихся.

– Миссис О'Конноли не является моим консультантом, а потому не будет участвовать ни в каких передачах. Тем более

с мистером Сандерсом.

– Это было частное приглашение. – Джил нагло посмотрела в глаза, что побелели от бешенства.

О, да ладно! Они будут ругаться прилюдно? Это было смешно, но, похоже, Бен хотел именно этого, потому что за долю секунды безмолвного поединка, одним только взглядом пообещал всевозможные кары. Только вот Джиллиан пожала плечами, а затем отвернулась.

– Можете передать мистеру Сандерсу, что я приду.

И оставив Рида, который наверняка не спускал с неё разъярённого взгляда, отвечать на допрос журналистов, Джил направилась в сторону станции. На самом деле, она прекрасно понимала эмоции Бена. Но ещё она была влюблена. Мучительно, до самопожертвования. И потому сделает для него всё, что возможно, даже если сам Рид ничего от неё не хотел.

\*\*\*

В номере Энн было так душно и жарко, что Джил уже трижды проверила мощность работавшего на износ кондиционера. Японская техника в стандартном номере отеля не справлялась с наплывом людей и надсадно, но бесполезно жужжала. Температура росла, и споры внутри команды вызывали уже не только мигрень, но и желание швырнуть что-нибудь в стену. Никто здесь не понимал, чем именно занята Джиллиан. Зачем спасает задницу Рида, если он от неё отка-

зался, зачем пробивает головой стены и зачем идёт на дебаты с Сандерсом. Это знала только она сама, но Джил упрямо молчала и смотрела на залитые дождём ажурные Кукурузины<sup>1</sup>.

Бен не звонил, но вернуться в квартиру она не рискнула, а потому весь день смотрела его интервью по телевизору в номере Энн. С экрана Рид раз за разом вещал о знакомстве с супругой, шутил об удачных тайфунах Среднего Запада и смеялся над потугами его опорочить. Всего двумя фразами он создал идеальное алиби для идеального преступления.

«В тот вечер я находился в одной кровати со своей будущей женой. Полагаю, она бы заметила моё отсутствие».

Джил едко хмыкнула. Немного пошло, но в духе времени и обстоятельств. Бен выбрал лучший способ спрятать некрасивую правду – рассказал её, опустив пару деталей. Блестяще!

Затем сюжет всегда переключался на Алишу, которая улыбалась на шутки мужа и кивком подтверждала слова. Джил боялась, что та станет поддерживать обвинения или случайно сболтнёт правду, но миссис Рид отчего-то молчала. Возможно, что-то изменилось после их утреннего разговора, но, скорее, она просто не понимала, о чём была речь. То, что Алиша не в сговоре с Сандерсом, было до тошноты очевидно. Эта женщина была слишком глупа и непостоянна,

---

<sup>1</sup> Местное название двух небоскрёбов, что напоминают формой початок кукурузы.

чтобы хитрый политик рискнул доверить той в руки скандал.

– Зачем ты вообще согласилась идти с ним на эфир? – спросил в пятый раз Джонас, когда уставшая от однотипной белиберды Джил выключила телевизор и вновь взялась за план грядущей беседы. – Даже если он и правда кого-то насильовал – это теперь его война, не твоя!

Джиллиан не ответила. Она знала, что не ошиблась. Знала, что должна быть на этих дебатах, словно от них зависела вся её жизнь, но возражать и что-то доказывать сил уже не осталось. Джил было так сложно думать, будто разум застопорился. Какая уж там аргументация на безумные выпады Сандерса! Тут бы решить простейшее уравнение... Она стиснула зажатую в руке упаковку с капсулами, а затем резко открыла крышку и вытряхнула на ладонь новую дозу. Пожалуй, лишнюю, но собственная умственная несостоятельность пугала. Так что, запив водой горчивший на языке амфетамин, Джил опять склонилась над предложенными Кроули схемами.

Однако разум не желал понимать смысл ни одного прочитанного слова. Джил тупо смотрела на листы бумаги и с ужасом осознала, что, кажется, отупела. За одно скандальное утро разом лишилась того, что всегда было залогом её успеха, – мозг больше не реагировал на стимуляторы. А потому, ближе к полуночи, когда команда окончательно устала гоняться за её личными наркотическими призраками, Джил в панике проглотила трёхдневную норму стимуляторов, но так

ничего и не почувствовала. Только звенящую пустоту и дикое желание прострелить себе голову. Ей было душно, жарко и беспрестанно хотелось пить.

– Идите спать, – смилостивилась наконец Джиллиан, оторвалась от созерцания ярких огней за окном и в последний раз отстучала по стеклу пару синкоп. Чуть дрожавшие от перевозбуждения руки потянулись к бутылке с водой. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь осторожным хрустом листка салата у Майка во рту.

– А ты? – Закутанная в плед Эмма шмыгнула покрасневшим носом.

– Буду думать, пока Энн меня не выгонит. – Джиллиан слабо улыбнулась. Кости ломило от слишком большой дозы, но спать было нельзя. Да уже и не вышло бы – эфир был назначен на раннее утро. – Возвращайтесь в Вашингтон. Здесь вам больше нечего делать.

– Я по-прежнему не понимаю, зачем ты в это ввязалась. Рид ясно указал нам всем на дверь. – Джонас упрямо скрестил руки и откинулся на спинку кресла.

– Желания Рида – это проблема исключительно Рида. Меня нанимал Клейн, и вряд ли он будет доволен, если я появлюсь у него на пороге без его ручного сенатора.

– С чего ты вообще взяла, что республиканская шавка поднимет эту тему? Твоя репутация сама по себе занята. А здесь: ни заявления, ни состава. Вашингтон недоумённо смолчал, нашему губернатору ничего не грозит.

Джил покачала головой.

– В тот день, в больнице, Джонатан намекнул, дал зацепку... Откуда-то же он узнал об...

Судорожно втянув душный воздух, Джиллиан внезапно остановилась и впиалась пальцами в кресло, в котором сидела Эмма. Мозг наконец прострелило единственной умной мыслью. И если это правда... Если всё действительно так...

– Джил? – в голосе Энн послышалось беспокойство.

– Уходите, – коротко бросила она, даже не потрудившись повернуть голову. – Мне надо позвонить.

Не привыкшая спорить команда с ворчанием сползла с наместов и подхватила полупустые стаканчики с кофе. Ребята двинулись к выходу, но всё равно бросали на Джил тревожные взгляды, моментально поняв, что она в бешенстве. Слишком уж давно они вместе. Однако никто не сказал ни слова, и когда за последним закрылась дверь, Джил взяла в руки телефон.

Четыре коротких гудка показались вечностью, прежде чем абонент ответил. Громкая связь ворвалась в тишину номера хриплым грохотом басов.

– Какие, вашу мать, люди, – протянул слегка нетрезвый голос.

– Здравствуй, Белл.

Ногти до боли впились в ладони. Джил не хотела этого делать, не желала быть в должниках у такого человека, но времени искать других не было. Это решение было единственным.

ным, которое смог родить мозг. Так что лучше уж она будет гореть в аду на костре, чем проиграет.

– Мне нужна твоя помощь.

– Услуга за услугу, – быстро и чётко проговорил экселеновский ублюдок, словно и не был пьян.

– Идёт.

– Говори.

– Я знаю, что на спонсорском вечере Алиша сболтнула лишнего...

– Пока ты миловалась с Ридом? – перебил смешок. Вот тварь! Всезнающая мразь. Но сейчас, увы, Джил требовалось от него именно это. А самодовольный Белл протянул: – Да, она рассказала много интересного кому нужно и, разумеется, кому не нужно.

– Не сомневаюсь, что ты уже проверил каждую деталь. – Последовал новый короткий смешок, и она продолжила: – Я хочу знать, кто подделал письмо Алиши. И мне нужна будет встречная статья этим утром, которая однозначно опровергнет выдвинутые обвинения.

– А ты догадливая, – хмыкнул Гилберт. – Сама поняла или подсказал кто? Сразу предупреждаю, на письмо никаких ставок не было. Сандерсу нужна ты, а не Рид. И чем ты так приворожила этих мужиков?

– Рот свой зашей.

– Бука.

– Чего ты хочешь за статью?

Повисла небольшая пауза, которую то и дело прерывали шумовые помехи нестабильного сотового сигнала, потом в трубке всё стихло, и остался лишь голос Белла.

– У Клейна проблемы. Клейн должен сесть.

Джиллиан прикрыла глаза.

– Ты же понимаешь, я не могу сейчас свидетельствовать против него. Он мой заказчик.

– Его репутация стала опасна для нас.

– К тому же я в Чикаго... – Джил замолчала, когда услышала слегка безумный смех.

– Они пришли за ним, придут и за тобой, ведьма. Надеюсь, ты это понимаешь.

Понимает ли она? Кажется, да. И Белл правильно истолковал её молчание.

– Тогда договорились. Кстати, – догнал его мерзкий голос, когда Джил уже хотела закончить вызов, – Алиша сказала, у неё есть что-то ещё. Какие-то доказательства. И Сандерс об этом знает. – Неожиданно Гилберт слегка удивлённо фыркнул. – Дерьмо! Мне теперь интересно, Рид действительно её поимел, или это шантаж пьяной дуры?

Джил оскалилась.

– Помилуйся с Ридом, может, узнаешь.

И с безумным хохотом она выключила телефон. Джил смеялась визгливо и долго, а потом всё же разбила ни в чём не повинную вазу. Видит бог, когда-нибудь это будет Алиша...



Утро встретило тяжёлой головой, судорогами в руках и неизменным наркотиком. Дождь за окном лил со вчерашнего дня и вызывал тоску даже у Джиллиан, хотя она плохо отражала реальность. Поправив тугой воротничок платья, Джил уставилась в зеркало.

В четыре утра Гилберт прислал макет готовой статьи, а в половину шестого та улетела в тираж. Джил не знала, где посреди ночи он нашёл нужного журналиста, но свой уговор Белл выполнил без нареканий. Теперь был её черёд, и она стояла в ванной комнате, где с ненавистью смотрела на выложенные в ряд шесть одинаковых капсул. Мозг молил о пощаде, и Джил машинально стиснула упаковку. Пить или не пить? Рискнуть или наконец-то одуматься?

Телефон завибрировал, и Джиллиан решилась. Схватив разом все капсулы, она запихнула их в рот и запила водой из-под крана. Красноречивый взгляд Энн прожёл отражение в зеркале.

– Ты угробишь себя, – пробормотала Кроули.

– Иди на хер, – коротко бросила Джиллиан и вышла в коридор, громко хлопнув дверью.

В такси оказалось душно и слишком влажно, так что она опять дёрнула воротник, который безбожно душил и натирал шею. Заехать в квартиру и взять свои вещи Джил не успевала, а потому одолжила платье у Эммы. Но, честное слово, лучше бы она пришла голышом! Вновь дёрнув кромку,

Джиллиан на секунду прикрыла глаза, потому что от мерцавших за окном фонарей стало нехорошо. Перед глазами поплыли чёрные пятна, которые никак не получалось сморгнуть, а по коже побежали капли холодного пота. К тому моменту, как такси остановилось у студии, Джил едва не шаталась, однако она упрямо выбралась из машины.

В светлой просторной гримёрной стало чуть проще, но потом кто-то включил замелькавшие мониторы, и Джиллиан поняла – дело дрянь. Она поёрзала в кресле и сделала вид, что пытается устроиться поудобнее. На самом деле, тело подёргивало из-за переизбытка амфетамина. Организм жаждал движения, пальцы мелко дрожали, а потому руки непроизвольно сами сжимались в кулак. Голова едва заметно кружилась, пятна перед глазами поплыли с удвоенной скоростью, и стоило кисти гримёра коснуться лица, как Джил едва не стошнило. От наклонившейся к ней тучной женщины несло ароматом сладких духов и фруктовой жвачки, и Джиллиан вцепилась в стаканчик с кофе, поняв, что сейчас упадёт.

Ей надо взять себя в руки. Джил медленно выпрямилась и через силу улыбнулась очередному координатору съёмки, хотя в мозг ввинчивался шум трёх кофемашин и сонные разговоры. Оглядевшись, она поняла, что хмурый Сандерс уже здесь, и мерзопакостно усмехнулась, когда тот подплыл к ней, сжимая в руках свежий выпуск газеты.

– Мне нравится, как вы отчаянно дерьётесь за то, что нье стоит того. Нье надумали сменить хозяина? – проговорил он

и махнул перед носом Джил разворотом с нужной статьёй.

– И вам доброго утра, Джонатан. Решили начать день с унижений?

– Я полагал, что это прозвучит как коплимьент.

– Упаси вас Господь. Мы оба знаем, что воспользоваться мной вы не сумеете, а потому подобное предложение можно принять лишь в качестве оскорбления.

– Для вас разве есть разница, кому служить? Я слышал про вас другое. – Сандерс устроился поудобнее, меланхолично одёрнул манжет клетчатого пиджака и поправил перетянувшие пухлую руку часы. – Да и нье похоже, что Рид умьет правильно использовать своего консультанта. Вы плохо выглядьите, миссис О’Конноли. Похоже, вас нье берегут, что вьесьма грустно.

– Не оставляете попыток меня купить? – протянула она и подставила лицо под брызги фиксатора макияжа, пока сама отчаянно пыталась не рухнуть со стула. Перед глазами снова навязчиво мигал экран одного из мониторов, отчего чёрные пятна в глазах Джиллиан почти слились в одно.

– Почьему ньет? Вьедь купил же вас для съебя Рид. Видимо, вы нужны ему больше, чьем крьесло в Сенате. Иначе, как можно объяснить вопиющую безалаберность в отношьении своей же жены. Дьевочка редкостная дура и болтает слишком громко, что ньеприемлемо длья рьепутации такого политика.

– А вы, смотрю, рады побираться на чужих жизнях.

Отчего такое внимание к постели соперника? Потеряли свою? – зло передразнила она, а сама едва сдержала рвотный позыв, когда рядом визгливо зазвонил телефон. Да что с ней такое? Джил сглотнула и через силу улыбнулась. – Думали, я упаду в обморок от новостей?

– Джиллиан О’Конноли слишком хороша, чтобы удовлетвориться ролью простого консультанта. Чьего вы хотите? Дьенег? Связей? Положенья? Я могу дать вам всё это и уже вижу, как наши фото украшают пьередовицы.

В этот момент где-то позади в очередной раз хлопнула дверь, вызвав удивлённые перешёптывания, но Джил не обратила внимания.

– А знаете, что вижу я? – спросила она и придвинулась ближе, чувствуя, как отдалось меж рёбер хаотичное бие-ние сердца. К горлу вновь подкралась тошнота. Было плохо, очень плохо, и Джил сглотнула горькую слюну. – Я вижу жалкого мужчину, который завидует другому. Бойтесь сказать о своих истинных намерениях вслух? В отличие от вас, Рид воспользовался вербальным способом выражения своих прихотей. Хотите это оспорить?

– Только если дражайший Рид злоупотребил законом. Признайтесь, мьжду вами ведь есть сьексуальная связь? – тихо спросил Сандерс. Джиллиан же склонилась прямо к его мясистому обвисшему уху, словно собиралась рассказать великий секрет, и томно прошептала:

– Я признаю, что меня, как специалиста, желают мно-

гие. — Она провела кончиком ногтя по жирной шее республиканца и содрогнулась от отвращения. Но возвращённое неимоверными дозами стимулятора либидо наконец-то вырвалось на свободу и погребло под собой последние зачатки здравого смысла. — И вы, похоже, не исключение. Тоже... хотите... меня... Обсудим ваши желания?

Вряд ли её слова могли сочтись ещё большей похотью. И хотя от близости чужого человека хотелось залить себя кислотой или выйти в окно, Джил собралась и приготовилась к последнему акту дешёвой эротической драмы, однако тут к ним подлетел взмыленный координатор, упал на пол стаканчик с кофе, а руку больно сжали чьи-то сильные пальцы.

— Как-нибудь в следующий раз, — прозвучал над головой негромкий голос Бена, и Джиллиан вздрогнула. — Сожалею, но миссис О'Конноли уходит.

Рид не резко, но настойчиво потянул вверх, вынуждая встать, но Джил не пошевелилась. Она смотрела только на Сандерса и делала вид, что Бена не существует. Всё, что её сейчас волновало — ответ республиканца и мерцавший экран.

— Так что, Джонатан, мы будем говорить? Вы хотели предложить мне работу, и, интересно узнать, в качестве кого.

Она гордо поднялась, но тут же пожалела об этом, когда с любопытством патологоанатома Бен уставился на её трясущиеся руки. Он чуть склонил голову набок, а потом уверенно взял за запястье, и Джил заметила, как напряглась его че-

люсть. Одним резким движением он вновь схватил её за руку, грубо задрал жёсткий рукав строгого платья и медленно заскользил пальцами по сгибу локтя. Джиллиан знала, что он искал. Бен явно обо всём догадался, но она лишь невозмутимо подняла тонкую бровь.

– Всё проверили, мистер Рид? – холодно спросила Джил, когда он остановился, считая бешеный пульс. И от рухнувшего на неё гнева стало нехорошо.

Ярость Бена была почти осязаема, отчего отступил стоявший рядом координатор, и невольно отодвинулся Сандерс, который до этого с неприличным любопытством наблюдал за непонятной ему сценой. Рид же дёрнул Джиллиан за руку, вынудив повернуться к нему лицом, и прошипел:

– Ты глухая или тупая? Я велел не лезть в это дерьмо! Сказал убираться! Ты не расслышала? Докатилась до того, что не можешь понимать человеческую речь? Так давай я повторю – мне не нужен альтруизм психованной дуры! Никому не нужен!

От его яростного шёпота Джиллиан вздрогнула и стиснула зубы, чувствуя, как стало трудно дышать. Нет, она не ждала благодарности, но, зная, какой ценой даётся информационная война, Рид мог быть повежливее. А потому, едва сдерживая обиду, Джил вырвала руку из судорожной хватки мужских пальцев и попыталась глубоко вздохнуть.

– Проваливай. Я здесь не ради тебя, – прошептала она.

– А ради чего? Ищешь изящный способ самоубиться?

Бен пытался заглянуть ей в глаза, но Джил этого уже не заметила. Она безостановочно облизывала губы и смотрела прямо в мельтешивший перед ней монитор.

– Ну-ну, Бьенджамин. Хватит. – Почуявший неладное Сандерс подошёл ближе и протянул руку, которую Бен, естественно, проигнорировал. Сейчас он был готов убить любого, но не спускал взгляда с резко побледневшей Джиллиан.

– Эфир через минуту! Пожалуйста, пройдите в студию, – вопль координатора раздался прямо над ухом, выдернув Джил из гипнотического транса, и она оторвала взгляд от проклятого телевизора. Кажется, вселенную шатало.

– Отпустите уже её, Рид. Свою признательность выразите позже...

– Она никуда не пойдёт, – начал было Бен, но затем приоткрыл глаза немного внимательнее, оглянулся, словно искал в комнате что-то, а потом поджал губы и зло протянул: – Впрочем, если миссис О'Конноли так хочет, то может попробовать.

– Вот и славно, – осклабился Сандерс и двинулся прочь. А Джил сделала шаг и услышала шёпот:

– Три...

Ещё один.

– Два...

Она споткнулась, но взяла себя в руки, подняла голову и немедленно уткнулась взглядом в сетку помех. Те хаотично ползли в стекле монитора.

– Один...

Она пыталась оторваться, отчаянно мечтала отвернуться и не смотреть, но не могла. Её затягивало. Тело не слушалось, челюсть сводило судорогой, а шею вытянуло так, будто голова сейчас оторвётся. Слух был последним, что отключилось в сдавшемся организме. И перед тем как стало окончательно темно, Джил услышала голос Рида:

– Эфира не будет.





## **Наши дни**

### **Вашингтон, округ Колумбия**

*Октябрь*

*14 дней до президентских выборов*

Джиллиан хрустнула парой шейных позвонков, чуть склонила голову набок и сердито уставилась в зеркало. Официальные мероприятия всегда были для неё тем ещё испытанием. Столько лет находясь в тени, она чувствовала себя неуютно под взглядами сотен людей. Словно занимала неподходящее место или была слишком... неподходящей.

В отличие от Бена, который уже одним только присутствием мог сгладить любую острую ситуацию, Джил всегда казалась себе социально неуклюжей. Напряжённая, угловатая в общении, она всегда была готова мгновенно сорваться в никому не нужный политический диспут. Право слово, ей

стоило остаться в Сенате, где дело решалось криком и руганью, а не политкорректными реверансами, но наркотиков в жизни Джил больше не было. А значит, не было бравады, риска и изошрённого хамства. Она осталась ни с чем. И хотя Джиллиан очень старалась, – ради Бена дарила улыбки и поддерживала мозгодробительные разговоры о погоде – но чувствовала, как в компании государственных клуш неумолимо тупеет.

Единственным человеком, помимо мужа, с кем можно было не притворяться, оставалась Эмилия Ван Берг. Будто сошедшая из викторианских романов, она всегда поражала Джил тонким юмором, где под налётом несомненной мудрости прятала едкий сарказм. Миссис Ван Берг была истинной *леди*. Лозой. Упрямой, но гибкой.

К сожалению, сама Джиллиан не могла похвастаться даже зачатками подобного благородства, чтобы достойно отыграть роль. Но, одёрнув жакет, она зачем-то поправила и без того идеальную укладку, а потом фыркнула. Они едут к детям. К тем, кто, скорее, оценит платье принцессы, чем строгость делового костюма. Так стоило ли стараться? Может, лучше нацепить пару бус и пижаму в розовых пони?

– Даже не думай, – предупредил из глубины комнаты Бен, словно прочитав её мысли.

Муж опаздывал. Этой ночью Эми решила наплевать на родительский сон, и Бену пришлось целый час расхаживать с дочерью на руках, пока та наконец не заснула под степенный

отцовский шаг. Так что они безбожно проспали, и сейчас он торопливо собирал на столе бумаги.

– Не думать что? – Джиллиан подхватила обязательный клатч и повернулась.

– Не думай, что ты с чем-то не справишься. – Бен оторвался от документов и серьёзно посмотрел на жену. – И делай, что должно.

Джил кивнула, через силу улыбнулась и направилась было к двери, но уже у порога её вновь нагнал тихий голос.

– Мартышка... будь осторожна.

Удивлённо оглянувшись, Джил посмотрела на мужа и почувствовала его беспокойство. Сильное. Незаметное для остальных, но не для неё. У Джиллиан было шесть лет, чтобы узнать каждый нюанс интонации бесконечно любимого человека. Она не сомневалась, что у Бена всё пошло как-то не так. Некая деталь его плана сыграла иначе, и он не может этого изменить. А она не может помочь. И тогда, зная, что опять врёт, Джиллиан просто кивнула.

– Хорошо.

\*\*\*

Центр по работе с ранним аутизмом располагался в часе езды от Вашингтона. Это был обычный кампус больницы, который под патронажем первой леди превратился в удивительное место. Джил была здесь впервые, так что с интере-

сом разглядывала детские рисунки мультяшных героев, волшебников и разных существ, которыми были украшены однотонные стены. Повсюду царил порядок, игрушки были аккуратно собраны в цветные коробки и педантично расставлены на полочки низких шкафов. Много света, много простора, много ненавязчивого обучения и стремления организовать маленьких людей, которые всеми силами пытались понять правила этого мира.

В этом Центре первую леди знали не только как обычного попечителя, но и как друга. А потому все понимали, что сегодня здесь произойдёт своеобразная передача дел. И Джиллиан ловила на себе тревожные взгляды.

– Эми бы здесь понравилось, – заметила она перед входом в большую игровую комнату.

– Полагала, вы возьмёте её с собой.

– Решила, что это будет неуместно, – пробормотала Джил в ответ и скованно улыбнулась вышедшим к ним навстречу преподавателям. – Словно мы наконец-то выпустили из подвала наше семейное чудовище.

Джиллиан замолчала, пока миссис Ван Берг уверенно пожимала протянутые руки. Неожиданно первая леди весело помахала рукой осторожно входившим в огромную комнатку детишкам. Те радостно загалдели, но немедленно осеклись, заприметив нового человека. Джил выдохнула, но тут до неё долетел шёпот.

– Когда-нибудь вам всё равно придётся это сделать, ми-

лая. Бен понимает, как вам тяжело. Насколько непросто построить то, что вы сами упорно разрушали. Но он верит в вас, и было бы неплохо, поверь вы в себя сами. Хватит пытаться походить на меня. Пришло время становиться собой.

Миссис Ван Берг замолчала и снова радостно заулыбалась, а Джиллиан нахмурилась. Стать собой? Она понятия не имела, как это. Не знала, не умела, никогда даже не пробовала.

– Иногда мне кажется, что я загнала себя в угол, – неожиданно призналась Джил. – Этим браком, этим решением. И ташу в этот же тупик Бена.

– Так повернитесь и выйдите оттуда, – совсем не прото-кольно фыркнула Ван Берг и внезапно скорчила рожицу, вызвав улыбки у рассаживающихся перед ними детишек. Заметив это, она показала язык парочке особо любопытных и тихо добавила: – Перепёлки признаны самыми глупыми птицами, которые могут утонуть даже в собственной поилке. Но вы человек, Джил. Умная, блестящая женщина. А потому прекрасно понимаете, что когда придёт время инаугурации, Эми должна стоять рядом с отцом.

– Вы так уверены в его победе?

– Мой супруг, возможно, и болен, но он слишком давно в этом мире, поэтому не сомневается в Бене. Ну а я не сомневаюсь ни в своём муже, ни в своём президенте. Кстати, дорогая, сегодня вы читаете детям сказку.

С этими словами миссис Ван Берг поправила идеально си-

девшую шляпку и с довольной улыбкой, хоть и немного тяжело, опустилась прямиком на пол. А Джиллиан недоумённо нахмурилась. Что? Сказка? Она посмотрела на свои руки, в которых непонятно когда оказалась книга, и вдруг затаила дыхание.

Кончики пальцев скользнули по мягкому тиснению названия, а взгляд метнулся к невинно оглянувшейся первой леди. Та вопросительно приподняла тонкие светлые брови и хлопала рукой по ковровому покрытию рядом с собой. Она намеренно выбрала эту историю? О нет. Как бы не так! Джил едва сдержала улыбку, прижимая к груди любимую книгу Эми. Медленно выдохнув, она миновала изящно расположившуюся на полу миссис Ван Берг и подошла к сидевшим полукругом детям. Мимолётный взгляд глаза в глаза, и линия разорвалась. Благодарно улыбнувшись, она уселась между расступившимися маленькими слушателями так, чтобы каждый из них мог видеть замечательные рисунки. Открыв первую страницу, Джил прочитала:

– Сегодня мы узнаем историю о девочке, что очень хотела объятий. – Она на мгновение зажмурилась, а потом посмотрела в текст. – Хельга обожала делать бумажные кораблики, сооружать из листьев дорогу и строить шалаши с самыми настоящими потайными комнатами. Но ей очень не нравились колючие шерстяные носки, громко сигнализирующие мотоциклы или слишком яркие краски. А ещё, Хельга очень не любила обниматься...

Голос Джиллиан звучал успокаивающе, а руки привычно переворачивали страницу за страницей, пока история двигалась дальше. Иногда она зачитывала некоторые фразы наизусть, иногда что-то невольно добавляла от себя. И впервые не ощущала неловкости. Джил задавала вопросы, рассуждала, отвечала, а потом ласково прижимала неуклюже потянувшихся поближе маленьких, но уже совершенно особенных человечков. Они были робкими, трепетными, одновременно столь похожими и так сильно отличавшимися от Эми. Джиллиан видела взгляды родителей, для которых столь непривычное и очаровательно открытое поведение их детей давало надежду, как когда-то дало ей самой. О, они с Беном знали об этом всё: каждую попытку контакта, каждый жест, пойманный взгляд, первое искреннее объятие, когда в эмоциональной пустоте и глухой тишине, что длилась несколько лет, наконец-то звучали колокольчики нужности своему ребёнку. Так, возможно, ей стоило начать именно с этого? С того, кому она может помочь?

Пару часов спустя они покинули Центр. Джиллиан – чуть ошипшая после непривычно долгих разговоров, ну а миссис Ван Берг, как и всегда, – полная естественного изящества. Лоза. Согнулась и хлёстко распрямилась обратно.

– Вот видите, здесь довольно мило. Частные визиты намного интереснее государственных. На тех только и знай – маши, точно робот, – с наигранным ворчанием протянула

первая леди и достала из сумочки перчатки. Седые кудри под неизменной шляпкой трепал гулявший по пустырю ветер.

Джил зябко поёжилась. А потом хмыкнула, когда со стороны кампуса прилетел радостный визг. Миссис Ван Берг оглянулась.

– Полагаю, в Конгрессе сейчас столь же шумно. Порой политики ничем не лучше детей, которым перед сном дали слишком много конфет.

Джиллиан рассмеялась и покачала головой, мысленно согласившись, а потом вдруг почувствовала, как в кармане завибрировал телефон. Брошенный на экран взгляд вынудил непроизвольно сжать зубы, что не укрылось от внимательно-го взгляда Ван Берг.

– Это срочно? – тихо спросила она. – Мы можем подождать, пока вы поговорите. С этой бронёй в машине удивительно плохая связь.

– Нет, я...

Джиллиан прервалась. В животе скрутилась привычная тугая змея отвращения, а руки вдруг онемели – верный признак приближавшейся паники. Господи, она лишь надеялась, что когда-нибудь этот человек окончательно исчезнет из её жизни. Наконец Джил дёрнула щекой и вымученно улыбнулась.

– Да, одну минуту, пожалуйста. Я быстро.

И, недослушав ответ, она зашагала как можно дальше от входа. Свернув за угол, Джиллиан нарочито спокойно нажа-



ла кнопку ответа.

– Да?

– Привет, воробушек. Поболтаем?

Она бросила тревожный взгляд на невозмутимо замершую неподалёку Эмилию Ван Берг и сглотнула, отчаянно пытаясь найти повод резко закончить разговор. Впившись ногтями в ладонь, Джиллиан старательно отсчитала до двадцати и обратно. Вдохнула-выдохнула. И мысленно повторила себе, что она лучшая. Всегда ею была. Значит, должна справиться с жалким ублюдком, что когда-то был её мужем. Сущий пустяк. Плёвое дело...

– Ты не должен мне звонить, – быстро произнесла Джиллиан. – Я не одна.

– Да, в сорока милях от Вашингтона в компании первой леди. Передай ей моё почтение, – последовал ленивый ответ. – Как там детишки?

– Это тебя не касается, – отрезала Джил. – Что тебе нужно?

– А команда? – проигнорировал вопрос Джеймс. – Снова пляшет под твою дудку?

О'Конноли рассмеялся, Джиллиан же захотелось его придушить. Голыми руками свернуть бледную веснушчатую шею, которую расчертили голубые вены. Удивительно, но она до сих пор помнила их все до единой. И то, как нервно бугрились их русла...

Тело невольно содрогнулось от воспоминаний и сжалось

в комок ощущений. *Не думать! Не сейчас.*

– Мне хватило десяти лет с тобой. Наигралась. Так что? Звонишь вынести предупреждение?

– Верно, воробушек. Тебе просили передать, что ещё одна встреча, и наш договор аннулирован.

– Кто за мной следит? – спросила она и услышала в ответ искренний смех. Ну, попробовать стоило.

– Дорогая, шпион здесь я, а не ты.

– Ты пилотировал самолёт, а не разгадывал тайны.

– Самолёт-разведчик. Удивительно, об этом знал даже Рид, но не ты, – хохотнул Джеймс, а Джил прикрыла глаза. Бен знал? О чём она! Конечно же, знал. Наверное, выучил наизусть досье Джима...

Джиллиан плохо помнила разразившийся шесть лет назад скандал. Там было что-то о военных и пытках в Йемене. Она тогда была слишком занята собой и наркотиками, чтобы следить за новостями, но имя Рида следовало тенью за каждым обвинительным упоминанием фамилии её бывшего мужа и его сослуживцев. Джеймс этого не забыл. Страна, в общем-то, тоже. Это было фиаско всего Пентагона и мгновение мести для Бена. Она думала, что на этом всё и закончится, но, кажется, нет. Ни для одного.

– Что тебе нужно? – повторила Джил свой вопрос и едва не до хруста стиснула телефон.

– Встретиться.

– Зачем?

– Хочу предложить тебе кое-что... – начал было Джеймс, но оборвал себя и договорил совсем другим тоном: – Это моя инициатива. И она останется только между нами.

– А как же твои прославленные шпионы?

– Они *мои* шпионы.

Повисла недолгая пауза, а потом Джиллиан быстро проговорила:

– Послезавтра. В час дня. Там же.

\*\*\*

Обратный путь показался Джиллиан слишком коротким. Мимо проносились дома вашингтонского округа, где по вечернему времени уже кипела обычная семейная жизнь. На крышах и лужайках мелькали растяжки в цветах демократической партии, портреты Бена и даже её лицо, где-то виднелся профиль Сандерса. По радио крутили запись последних дебатов, но быстро выключили. Страна готовилась к выборам, а Джиллиан к беде.

– Грег был рад, когда вы согласились вести кампанию Бена, – неожиданно проговорила миссис Ван Берг, не отрываясь от созерцания пасторальных пейзажей. Богатый район Вашингтона всегда радовал глаз. – Страна не осталась равнодушной.

– Какая неприкрытая лесть, – грустно усмехнулась Джиллиан. – Здесь нет моей заслуги. Бен всё сделал сам.

– Ах, не скромничайте. Мне прекрасно известно, что он во всём вам доверяет. Я ведь права?

– Да, но...

– Но что-то произошло, верно? Между вами с Беном. Можете не отвечать, но это вижу я, это чувствует Грег, и об этом знает сам Бен. А потому будьте осторожны. Вы хороший игрок, Джиллиан, но ваш муж лучше.

– Не отговариваете меня?

Эмилия Ван Берг тихо рассмеялась и отрицательно покачала головой.

– Заниматься подобным – дело неблагодарное. Иногда проще вписать Джиллиан Рид в уравнение, чем перекраивать всю систему и неизбежно наделать кучу ошибок. Милая, что бы вы ни задумали, я лишь надеюсь, вам хватит ума и любви выбрать нужный ответ на самый важный вопрос.

– Какой? – прошептала Джил.

– Бен доверяет вам. Но насколько безумны вы сами, чтобы поверить ему?

Джиллиан растерянно моргнула, а потом подняла ошарашенный взгляд на невозмутимо улыбнувшуюся миссис Ван Берг. Она что-то знала? Об измене? Снимках? Или о шантаже? Джил нахмурилась. Нет, вряд ли. За столько лет знакомства эта женщина просто чувствовала.

Машина остановилась на подъездной дорожке резиденции вице-президента, и Джиллиан покачала головой.

– Я не знаю. Не знаю... – прошептала она и, не дожидаясь

ответа, быстро выбралась из автомобиля, чтобы торопливо зашагать к белому особняку.

Джил спешила, почти убегала от тревожных вопросов, но чем ближе она подходила, тем медленнее становился шаг, пока она вовсе не остановилась. Взгляд скользнул по аккуратной лужайке, и в груди что-то болезненно, но так трепетно сжалось, когда Джил заметила пару фигур на траве. Она затаила дыхание...

Пожалуй, нет в этом мире чего-то столь же прекрасного, как хрустальная связь между дочерью и отцом. Та смехом звенела в холодном воздухе осени и осыпалась вместе с золотистой листвой, стирала детскими пальчиками иней с можжевеловых кустиков и взлетала с надёжных и сильных рук под небеса, кубарем катилась с колен и неуклюже пряталась за тонкими лиственницами.

Джиллиан боялась даже вздохнуть, пока с каким-то непонятным волнением наблюдала, как упавший в белом свитере прямо на траву Бен громко распевал песенку про алфавит. На его груди задорно скакала Эми, наверняка едва не ломая грудную клетку отца, и пыталась фальшиво вторить глассирующим звукам. Пронзительно-визгливое «ла-ла-ла» то и дело прерывалось смехом, когда Бен решал пощекотать удачно подставившийся детский бочок.

*«Насколько безумны вы сами, чтобы поверить ему?»* – прозвучало в голове эхо.

Забавно, но несколько лет назад подобный вопрос не вы-

звал бы в душе ни тени сомнений. В те времена она без раздумий шествовала по головам всех, кто рискнул встать на пути к намеченной цели. У неё не было страха ошибки. Зато был амфетамин, что дарил удивительное чувство ясности, и ничего за душой. Ей нечего было терять. Но теперь всё иначе: ворох ответственности, Бен, Эми и никакой фармацевтической магии.

Хотя, видит бог, ей хотелось. Иногда сильнее, чаще почти незаметно. Джиллиан понимала, что зависимость останется с ней навсегда. А потому она знала, где лежит неведомым образом попавшая в руки Бена тёмно-коричневая упаковка с белыми капсулами. Она даже знала, сколько осталось в ней доз – одиннадцать. Ровно столько же, сколько было в тот страшный день, который поставил жирную точку. Джил ненавидела своё прошлое, отчаянно хотела забыть каждый из дней.

*«Насколько безумны вы сами, чтобы поверить ему?»*

Да, Бен однозначно сошёл с ума. И никогда не испытывал на прочность силу воли жены, не задавал вопросов и даже наверняка не пересчитывал те самые капсулы. Он просто верил. Знал, что Джил этого больше не сделает. Но прямо сейчас она впервые задумалась – что если... Что если это поможет найти решение? Подскажет верный ответ. Раскроет глаза.

Джил ощутила, как в предвкушении дрогнули пальцы, что уже были готовы ощутить растекающуюся в крови эйфорию.

Но...

– Мама!

Мир взорвался детским радостным криком, и комок из растрепавшихся волос, засыпанного листвой свитера и детских угловатых конечностей больно врезался в живот, едва не повалив на землю. Пачкая костюм землёй, тонкие руки обвили ноги, и Джиллиан зажмурилась. Её маленькая девочка. Её лакричная радость, что всё-таки полюбила обниматься. Хотя бы иногда...

*«Насколько безумны вы сами, чтобы поверить ему?»*

Увы, она теперь не такая.



**6 лет назад**

**Чикаго, штат Иллинойс**

*Апрель – Май*

Падение было долгим, почти бесконечным. Джил не понимала, где она. Вокруг будто собралась чёрная пустота, которая полностью поглотила её неподвижное тело. Джиллиан словно разорвало, а затем склеило заново. И наверное, было больно, но она не чувствовала. Лишь знала, что лежит на чём-то твёрдом, и это ощущение сначала сдавило рёбра, а потом в уши ввалился взволнованный людской гомон. Приоткрыв глаза, Джиллиан отчего-то увидела мир в искажении, и только через пару мгновений вдруг поняла, что лежит на боку.

Это был первый крючок, за который зацепилось обнулившееся сознание. Она моргнула, восстанавливая чёткость зре-



ния, затем ещё раз и неожиданно заметила чьи-то колени. Судя по всему, в джинсах. Прочных таких. Тёмно-синих. Джиллиан попробовала было пошевелиться и посмотреть, чьи это ноги, но тело не слушалось. Мышцы ломило так, словно она пробежала бостонский марафон, укротив в конце парочку львов и выступив на корриде. Причём бык, похоже, всё-таки победил. Однако тут колени вдруг пошевелились, упёрлись в короткий ворс коврового покрытия, и мелькнула рука. А уже в следующий миг Джил осторожно подняли с такого надёжного пола.

В нос пробрался знакомый запах сигарет и лакричного геля для бритья, а щеки коснулась мягкая ткань то ли джемпера, то ли рубашки, то ли... Джиллиан чуть подняла голову, когда почувствовала на лице движение воздуха, однако державшие её руки неожиданно сжали так сильно и резко, что захотелось захныкать.

– Только дёрнись, и я тебя убью...

Позади хлопнула дверь, зазвучало гулкое эхо шагов, ну а Джил наконец-то окончательно поняла – Бенджамин Рид в бешенстве.

Она боялась открыть глаза и совершенно непрофессионально, жутко по-детски страшилась встретиться взглядом с Беном, пока тот размеренно шествовал к лифту. Его поступь была тверда, руки не дрожали, а сам он, кажется, даже не запыхался. Не дрогнул он и пока уверенно шёл через переполненный холл. А ещё Бен молчал. Только грудь под щекой

Джил медленно поднималась и опускалась в такт дыханию. На первый взгляд, Рид был спокоен, но она чувствовала каждой приходившей в себя клеточкой мозга, что ещё одно слово, и её тело полетит в стену. Или Бен бросит её под колёса. Или просто пристрелит, чтобы закончить уже эту агонию.

Так что Джил инстинктивно сжалась от страха, пока не почувствовала движение свежего воздуха, сырость улицы и шум проезжавших машин. Холод быстро остудил разум обоих и вынудил Бена размять, очевидно, всё же затёкшие плечи. Послышался скрип двери-вертушки, когда Рид вышел из здания телестудии, и только тогда они остановились. В этот момент Джил решилась приподнять одно веко.

На улице постепенно светлело, и ошмётки грязно-синего неба проглядывали в прорехах облаков. Отвратительный дождь наконец-то закончился.

– Отпусти меня, – хрипло пробормотала она, почувствовав, как дерёт пересохшее горло. В груди по-прежнему тяжело бухало сердце, но уже не отдавалось болью в ушах, а зависало лёгким ощущением тошноты. – Я могу идти сама.

– Закрой. Свой. Рот.

Бен выплюнул три чётких слова, словно какую-то гадость, огляделся и зашагал в сторону замершего чуть поодаль чёрного внедорожника. Джил видела, как торопливо открылась задняя дверь, а потом они очутились в пахнувшем кожей салоне. Послышался хлопок, басовитое гудение двигателя и коротко брошенное:

– Домой.

Автомобиль тронулся, плавно выкатив на проезжую часть, и тут же вклинился в утреннюю пробку. В салоне было удивительно тихо, и Джил попробовала пошевелиться, решив, что тесниться в полумраке на мужских коленях слишком нелепо. Однако Бен не позволил. Наоборот, он прижал крепче и постарался сгладить тряску на соединительных линиях речного моста. Его гудевшее раздражение, что пропитало каждую молекулу воздуха, стало почти невыносимым, и Джиллиан свернулась в комок, словно хотела спрятаться от грядущей расплаты. Она понятия не имела, куда их везли, и где чёртов «дом». Возможно, в белом особняке на окраине города. Возможно, на кладбище. И хорошо, если всё-таки не в канаве.

– Бен... – наконец осмелилась пробормотать она, когда машина вынырнула на скоростную автостраду. – Бен, я...

– Лучше молчи, – раздался холодный ответ, и Джил закусила губу, чувствуя, как в груди что-то колюче сжалось. Боже, ну что за дура? Но тут в давно растрепавшиеся от влажности волосы уткнулся кончик длинного носа, и она услышала шёпот: – Закрой глаза. Не смотри на огни за окном и скажи, если будет тошнить...

Она послушно смежила веки, чувствуя покачивание автомобиля, когда тот плавно вошёл в поворот, а потом Джил снова стало нехорошо.

Это было неправильно и так странно, потому что после

обморока дурнота проходила довольно быстро. Она попробовала было прислушаться к себе, но организм смолчал. Тепло проигнорировало попытку разума осознать произошедшее и решило развалиться на части. Оно взвыло, стоило колёсам машины неаккуратно влететь в стыки моста, и перед непроизвольно открывшимися глазами вновь замелькали чёрные пятна. Это было отвратительно. Почти так же мерзко, как в телестудии. И только ровное дыхание Бена да гулкий, монотонный стук его сердца помогали держаться за проблески сознания.

Однако, когда автомобиль резко нырнул в подземный паркинг, Джиллиан замутило сильнее. И стоило Бену выбраться из салона, как она забилась в его крепких руках, пытаясь вырваться до того, как опозорится. К счастью, Рид всё понял сразу. Моментально поставив Джил на землю, он аккуратно придерживал её за талию всё время, пока она выворачивала наизнанку желудок прямо на пол парковки. Но рвать было нечем: вода, желчь, немного кофе... Господи, Джил даже не помнила, когда в последний раз ела хоть что-нибудь. Вчера с ребятами? Или позавчера утром? Шокированный развитием событий мозг оставил эту мысль без внимания, сосредоточившись на том, чтобы удержать хозяйку на подгибающихся ногах, но на какое-то время стало легче. Почти отлично, отчего тело выпрямилось и попыталось оглядеться. Но тут лица коснулась едва пахнущая терпимой отдушкой салфетка, в руки ткнулась бутылка с водой, и Джил разозлилась. Она

выдернула из пальцев Бена платок и вытерла рот, стараясь избавиться от кисло-горького привкуса.

– Хватит! Я прекрасно справлюсь сама.

– Неужели? – сквозь стиснутые зубы едко проговорил Рид.

Он внимательно наблюдал, как ходили ходуном руки Джил, пока она пыталась открыть воду, но, не выдержав, вырвал злосчастную бутылку и легко открутил крышку.

– Пей и идём.

Джиллиан сделала глоток, потом ещё один и с вялым отчаянием ощутила, что её вновь затошнило.

– Какого чёрта ты припёрся в студию? Хотел высказать своё мнение, которого никто не спрашивал? – зло прошипела она, а перед глазами вновь напозлали чёрные провалы. Господи, да что происходит? Она приложила ледяную ладонь к покрытому испариной лбу, начиная трястись всем телом. Ей холодно? Но почему тогда всё изнутри будто горело огнём?

– Пей.

– Напомню, ты сам меня уволил. Так отчего вдруг беспокоишься, чем я занимаюсь?

– Пей и идём, – едва ли не по слогам повторил Бен, сделав шаг навстречу.

– Куда, твою чёртову мать? – неожиданно заорала она, не в силах больше терпеть этот театр эгоистичного абсурда. Всё, о чём мечтала Джил, чтобы её больше не трогали и дали возможность разобраться в собственной голове, ибо с той явно

было что-то не так. – Собираешься показать очередные сюрпризы из прошлого? Спасибо, обойдусь. Всё никак не могу пережить прошлую встречу с твоими скелетами. Знаешь, они не очень-то гостеприимны...

– Прекрати! – Бен не выдержал и повысил голос, подходя ближе.

Порывистым движением он стянул с себя джемпер с явным намерением закатать в подобие смирительной рубашки трясущуюся от озноба Джил, но она отшатнулась. Бутылка выпала из слабых пальцев и закатилась за огромное колесо, и оттуда боязливо вытекла лужа.

– Не трогай меня!

Визг эхом отразился от каменных стен, а Рид зарычал.

– Успокойся! Я всего лишь хочу помочь... – Он попытался подхватить пошатнувшуюся Джил, но она ударила по протянутым к ней рукам.

– Отвали! Я сама...

И тут Бен не выдержал. Он отшвырнул прочь свитер и заорал:

– Да ради бога, делай что хочешь! Вперёд! Один раз свалилась с припадком, так давай ещё раз. Ну? Получишь расслоение аорты или инсульт, и сдохнешь прямиком на грязном полу. Я даже пальцем не пошевелю, и дело с концом. ДА?

Бен резко замолчал, но по-прежнему не сводил с неё обезумевшего взгляда. А Джил не понимала, чего же испугалась

больше – возможных последствий или что Рид, кажется, действительно боялся. Ему было так страшно, что Джил растерялась.

– Лжёшь, – наконец прошептала она.

– Ты ведь заметила, да? Ощутила что-то... Какой был признак? Паника? Оцепенение? Запах... – Бен резко замолчал, когда увидел ошеломлённо вздёргнутую голову, а затем нехорошо усмехнулся.

– Откуда... Откуда ты знаешь?!

– Это была аура, Джил. Так начинается припадок. И у меня не было выбора. Мне пришлось позволить ему случиться, чтобы увести тебя отсюда и не нарваться на новый скандал!

– Невозможно, – фыркнула она трясущимися губами. – Я не эпилептик!

– Конвульсии, поджатые руки, судорожно вытянутые ноги и шея, напряжённая челюсть, затруднённое дыхание, – словно по учебнику отчитывал Рид, а сам приближался так медленно, будто она в любой момент могла убежать. Ах, если бы! – Знаешь, увидев раз, никогда не забудешь.

И тогда Джиллиан наконец стало так страшно, что захотелось взвыть. Но голос не прорезался. Она лишь приоткрыла рот, ловя куда-то исчезающий кислород, и встретилась взглядом с Беном, в чьих глазах билось отражение её собственной паники.

– Та дрянь в твоей крови изнасиловала сердце и мозг, – тихо проговорил он. – Почти убила. И нервная система не

выдержала...

Руки затряслись, словно в конвульсиях. Боже! Боже! Джиллиан всхлипнула и растерянно заморгала, когда мир взбрыкнул слишком яркими красками, а затем вновь налетели чёрные пятна. Однако Бен, разумеется, был уже рядом. Он легко подхватил зашатавшуюся Джил, опустился на колени и прижал к её шее пальцы. Послышалось новое торопливое ругательство. И тогда Джил почувствовала это сама – как вынужденный воевать сам с собой организм исступлённо зататорил пульсом, грозя порвать вены.

– Эй, – над ухом неожиданно прошелестел обеспокоенный вздох. – Не отключайся, мартышка... Пожалуйста.

Джил лишь покачала головой. Господи! Она такая ничтожная. Мерзкая, скатившаяся наркоманка. Бен, конечно же, прав. Она хочет сдохнуть. Прямо сейчас, если можно... Джиллиан попробовала что-то промычать, но сквозь пунктир реальности увидела, как обеспокоенно нахмурился Рид, когда поудобнее перехватил её нелепое тело, и замолчала. Рид что-то быстро сказал охране, дождался ответа, а затем подошёл к валявшемуся на земле свитеру. Видимо, подцепив его носком ботинка, он ловко подкинул джемпер вверх и в последний момент сумел поймать тот кончиками пальцев. А в следующее мгновение невменяемую Джил окутал знакомый запах и слегка колючая ткань. Слепнувшие от слишком яркого света глаза зажмурились сами, донёсся перезвон лифта, а потом желудок скрутило очередным спазмом, когда



кабина дёрнулась вверх. Державшие её руки сжались чуть крепче, словно хотели унять неконтролируемые судороги, а макушки поцелуем коснулись сухие губы. Джил приникла теснее.

– Куда мы?

– Домой.

И стало тихо, потому что лифт привёз их на знакомый двадцатый этаж. Джил понятия не имела, как Бен умудрился достать ключи. Она почти ничего не чувствовала, но вот слышался звон, затем щёлкнул замок, и из квартиры повеяло ароматом остывшего кофе. На кухне по-прежнему бормотал телевизор. Ох...

Захлопнув ногой тихо скрипнувшую дверь, Бен сделал было несколько шагов в сторону гостиной, но остановился, когда Джиллиан слабо дёрнула его за футболку. Она вяло махнула рукой и попыталась что-то сказать, однако Бен всё понял и так. Одним сильным пинком он открыл проход в ванную, а потом ловко... слишком ловко поставил Джил на пол, помог склониться над раковиной и включил воду. И пока она содрогалась в новом приступе рвоты, придерживал волосы и неловко поправлял постоянно сползавший с костлявой спины джемпер.

Её рвало так долго, что Джиллиан потеряла счёт времени. Но наконец-то кошмар закончился, и организм окончательно выдохся. Руки судорожно вцепились в раковину, когда тело опять повело в сторону, впрочем, Бен был рядом. Как и

всегда. Он осторожно усадил Джил прямо на коврик около ванной, при этом аккуратно придерживая безвольно запрокинутую голову, и сунул в руки полотенце. Однако слабые пальцы лишь бессмысленно смяли влажную ткань.

Наверное, ей должно было быть стыдно. Наверное, стоило поблагодарить или хотя бы просто кивнуть. Сказать вежливую чушь, улыбнуться, успокоить. Но Джил не могла. Она бездумно пялилась в никуда, а потому не заметила, как рядом с ней опустился на колени Рид и что-то настойчиво просил рассказать.

– Ты слышишь меня?

Бен упрямо пытался поймать её взгляд и убедиться, что Джиллиан здесь. Но она не реагировала и боялась оторвать взгляд от успокаивающей выбоины на облицовывающей стены плитке. Это был даже не скол. Так, лишь слегка облупившийся уголок, в котором отчего-то сосредоточилось всё мироздание.

– Эй, мартышка... пожалуйста, скажи...

Дурацкое прозвище неожиданно резануло по ушам и вывело из ступора, отчего Джил моргнула. Раз, другой. Она сфокусировалась на напряжённо поджатых губах Рида, скользнула взглядом по двум красным царапинам на щеке, запуталась в чёрных прядях растрепавшихся волос и вернулась к глазам. Медь из них почти исчезла, сменившись ржавчиной досады и сожаления.

– Где они? – вновь спросил он, и Джиллиан слегка неров-

но пожала плечами, прежде чем полубезумно оскалилась.

– Везде...

Бен посмотрел на неё в недоумении, но Джил уже отвернулась. Всё с той же неестественной улыбкой она опять плюнулась в стену и ждала, когда же Рид осознает, что Джиллиан не врала. Капсулы действительно были повсюду и хранились по одной или целыми упаковками в пустых блистерах из-под обычных таблеток, в карманах, в косметичке, в пудренице... в общем, везде. Она скупала их, наплевав на предупреждения Оливии, и, как истинный наркоман, боялась остаться без дозы. А потому заначки были повсюду. Но Бен... Бен точно такого не ожидал.

Первым делом, открыв зеркальный шкафчик, он тяжело уставился на три полупустых упаковки. Взяв одну из них, Рид осторожно высыпал на ладонь несколько капсул, раздавил ногтем и принялся. А после метнул в сторону Джил настолько яростный взгляд, что она всхлипнула. Однако Бен промолчал, лишь сильнее стиснул зубы, стряхнул в унитаз порошок, а затем тщательно вымыл руки и вернулся к поискам. Он проверил всю косметику, перевернул каждую коробку и открутил все крышки. Казалось, в поисках тайников Бен проверил каждый дюйм комнаты. И прямо пропорционально его ярости на туалетном столике росла гора с капсулами. А когда в ванной не осталось потайных уголков, он переключился на остальную квартиру. И Джил слышала, как неистово хлопали дверцы, шумели выдвижные шкафы, сы-

пались вытряхнутые прямо на пол разные мелочи.

Бен вернулся спустя час, а может, чуть меньше. Джиллиан по-прежнему сидела на полу и не шевелилась, впав в подобие ступора. Тошнота унялась, однако телом овладела такая апатия, что было уже всё равно, даже упади рядом целый метеорит. Джил смотрела в проклятый скотч, дышала и не хотела знать, чем именно занимался Бен. А он переставлял какие-то банки, стучал пластиковыми упаковками и изредка смывал в унитазе воду. Но когда послышался знакомый шелест одного из блистеров, Джиллиан вдруг встрепенулась и ошалело уставилась на Рида, который невозмутимо выковыривал капсулы чтобы... Чтобы что? Она озадаченно нахмурилась, а потом сердце бешено заколотилось. О нет! Нет! Нет-нет-нет-нет-нет...

– Н-не надо! – сдавленно просипела Джил и попробовала было подняться, но тело подвело. Ослабевшие ноги разъехались на скользком полу, руки беспомощно попробовали ухватиться за воздух, и, пошатнувшись, Джиллиан упала обратно, больно ударившись позвоночником о твёрдую облицовку ванной.

– Не надо что?

Раздался очередной скабрёзный звук слива бачка, и Джил в ужасе уставилась на Бена. А тот потянулся за следующей упаковкой, которую принялся вытряхивать в унитаз прямо на глазах ошалевшей наркоманки. Равнодушно. Хладнокровно. Словно не знал... не понимал, чем это грозит!

– Пожалуйста... – прошептала она, а потом зачем-то принялась шарить руками по полу, словно что-то искала. Она попробовала снова подняться, но её затрясло. – Пожалуйста, не делай этого!

– Нет? А мне кажется – да! – протянул Бен и под паникующим взглядом Джил отправил в канализацию новую порцию.

И вот тогда она не выдержала. Джил не знала, где нашла силы... Не представляла, чем потребует отплатить измученный организм, но понимала, что Рида надо остановить. Если она хотела остаться в своём уме, то ей нужны долбанные стимуляторы! Без них она не справится, не переживёт ни дикий рабочий график, ни, упаси боже, синдром отмены! Мозг погрязнет в суицидальном бреде, тело – в раздирающей боли, а Джил будет абсолютно беспомощна! И ей никто... никто не поможет... А потому, отчаянно всхлипнув, она ползком бросилась в сторону Бена и, повиснув на его руке, попыталась спасти последние капсулы.

– Идиот! Ублюдок! Что ты творишь?

– Спасая твои мозги, – пришёл холодный ответ, и Рид жёстко отодрал от себя скрюченные женские пальцы, едва не выдрав по пути клочок рыжих волос.

– Конченный псих, – прошептала она, пытаясь подняться на дрожавшие ноги. Её шатало, но она всё равно упрямо шагнула в сторону валявшихся на туалетном столике блистеров, но Бен преградил дорогу. Схватив Джил за талию, он легко

сдерживал её отчаянные потуги вырваться.

– Пусти меня! Скотина! Ты хоть понимаешь... Понимаешь, что только что смыл в унитаз кресло в Конгрессе?

– Не знал, что оно белое и овальное, – ехидно протянул Рид, а Джил задохнулась в отчаянии и на мгновение замерла.

Как ему объяснить? Как?! Мозг лихорадочно пытался включиться в работу, но просто не мог. А потому Джиллиан снова бросилась в сторону капсул, мечтая спасти хотя бы часть...

– Пожалуйста... пожалуйста... не делай этого со мной, – взмолилась она, а сама старалась дотянуться. Однако Бен крепко держал извивающееся тело. – Я не смогу без них! Не справлюсь! Слишком мало времени...

Она пыталась донести такую простую и очевидную мысль, но Рид не понимал. Не желал или действительно не мог, Джиллиан не знала.

– Не думаю, что всё так печально, – хмыкнул он. – Успокойся. У тебя просто психоз, это пройдет...

– Психоз?! – взвыла она и истерично засмеялась. – Конечно у меня психоз! Господи... Я засыпаю со снотворным, просыпаюсь со стимулятором и живу на антидепрессантах! Не так печально, говоришь? Разумеется, когда я могу работать по двадцать часов в сутки!

– Джил! Так нельзя...

– Да пойми же ты... – она снова пыталась найти слова, но желе собственных мыслей не слушалось. – Я не смогу... Не

выдержу, уже пыталась... Нельзя так резко!

— Ты сидишь на наркоте! — заорал Бен и невольно слишком сильно оттолкнул вновь забывшуюся Джиллиан прочь. А она вдруг пошатнулась и, не удержавшись на слабых ногах, рухнула на пол, где больно ударилась ладонями о холодные плиты.

Повисла пауза. Длинная. Такая долгая, что, наверное, можно было прочитать всю «Илиаду». Но вместо этого Джил слышала только шум воды в сточных трубах да короткое дыхание Бена. Она боялась поднять голову и посмотреть ему в глаза. Боялась даже открыть рот и сплюнуть кровь, что выступила с кончика прикушенного языка. Но потом раздался звук шагов, и перед глазами оказались кроссовки. Обычные. Белые. Такие никак не ожидаешь увидеть на воплощении стиля и делового этикета, каким всегда был Бенджамин Рид. Но именно эта деталь стала тем абсурдным толчком, что вынудил Джил переступить через остатки собственной гордости.

Она прикрыла глаза и вдруг отчаянно улыбнулась. А в следующий миг её худая рука, где от истощения выцвели даже веснушки, медленно скользнула по затянутой в грубую ткань мужской голени, очертила неведомый узор на колене и пробралась чуть выше. Почти сразу к ней присоединилась вторая. На мгновение они с силой обхватили узкие бёдра и сразу поднялись дальше. Туда, где за пряжкой стандартного ремня и краем обычной футболки скрывался пояс брюк.

Джил надавила ладонями, вскинула голову и подползла ближе, едва не стелясь под ноги Бену. А тот замер и в недоумении следил за чем-то происходившим в тени его личности, пока руки Джил уже тянулись к застёжке.

– Пожалуйста... Зачем тебе это? Оно ведь того не стоит... – шептала она, пока медленно вытягивала грубую кожу ремня из джинсовых шлёвок. Одна... вторая... Джил ногтем подцепила язычок пряжки, расстегнув тот с тихим лязгом.

– Что ты делаешь? – процедил, наконец, Бен.

В его глазах бушевало неверие. Рид такого не ждал и оказался вдруг не готов, что Джиллиан сыграет так грубо. А она уже вычерчивала в паху контуры ширинки и с каждым новым кругом надавливала чуть сильнее, накрывала ладонью, нежно сжимала. Джил знала, что делать. Чувствовала и понимала, ловила малейший нюанс реакции. Хотел ли её Рид? Да, несомненно. Мгновенно и отчаянно. Даже в таком состоянии: униженную, на коленях, в шаге от самой настоящей наркотической ломки. Джил чувствовала рукой и щекой, как он невольно подался вперёд, и приласкала пальцами его эрекцию, постаравшись вытянуть всё из этого примитивного чувства.

– Разве не ясно? Ты же думал об этом. Мечтал... Так давай, бери!

*«Сделай всё что угодно, только оставь хоть немного! Я так боюсь сойти с ума... Не заставляй меня проходить через это!»*



Вторая рука потянулась к пуговице на джинсах, чтобы тут же ловко её расстегнуть, и Джил зубами схватила бегунок, ощутив на языке кислый привкус металла. Она упёрлась ладонями в твёрдый тёплый живот, чуть отклонилась и с тихим шелестом потянула замочек молнии вниз, а потом провела носом, вдыхая запах Бена. Но стоило зубам сквозь ткань нижнего белья слегка прихватить твёрдый член, как в волосы вцепились чужие пальцы и с силой дёрнули прочь. Джиллиан зашипела от боли.

– Повеселились и хватит, – ужасающе ледяным тоном бросил Бен, а затем склонился над лицом задыхавшейся Джил и зло прошептал: – Я знаю, чего ты хочешь на самом деле. И мой ответ – нет! У меня нет хобби трахать в счёт дозы.

Ну а в следующий миг он отпустил, схватил со столешницы оставшиеся блистеры и резко сжал в кулаке, вынудив с надсадным треском лопнуть тонкие стенки капсул. Белая пыль медленно полетела на пол, осев на поверхностях, и её пелена отразилась у Джиллиан в расширенных от страха зрачках. Она протянула руку, словно хотела коснуться налёта, но Бен разжал пальцы и чуть тряхнул оставшейся в ладони фольгой.

Молча, почти в паническом оцепении, Джил смотрела, как падает в никуда её надежда. А потом она отчаянно завизжала и ринулась спасти невозможное, но споткнулась, снова рухнув к ногам Рида. Он не понял... Ничего не понял... У

неё нет лекарств! Никаких! Даже снотворное больше не действовало. Она не могла пойти в клинику, у неё не было здесь ни врача, ни сиделки. Поздно, Господи! Поздно! Её ждёт отвратная ломка, что вывернет наружу суставы, погрузит мозг в бессвязный бред, размажет рассудок и швырнёт на нож или вообще из окна. Джиллиан в ужасе задохнулась.

– Мне даже любопытно... – сквозь иступлённое биение сердца в уши прорвался едкий, злой голос Бена. Рваными, излишне резкими движениями Рид приводил себя в порядок. – Сколько же раз и перед кем ты так унижалась? Отсывала своему врачу за рецепт? Кому-то в Сенате? Торчку в подворотне? А, Джил?

Она промолчала. Бен наверняка смотрел на неё с брезгливостью, но Джиллиан не решалась поднять голову и встретиться с ним взглядом, чтобы проверить. В данную секунду ей хотелось умереть, ибо разочарование в голосе Бена было просто убийственным. Он имел право *так* думать, ну а она не могла оправдаться. Да, никогда раньше Джил *так* не делала... но прямо сейчас поступила именно *так*.

Так что, не дождавшись ответа, Бен подошёл и не сильно, но ощутимо дёрнул за локоть, вынудив встать. И Джил не представляла, чего он хотел, однако, едва ли не впервые, повиновалась без споров и бездумно поплелась вслед за ним на заплетавшихся ногах. Всё в том же смятении она машинально опустила в кресло, на которое самым небрежным из возможных жестов указал Рид, и затихла. Сложила на

коленях мелко трясущиеся руки, откинула голову и смежила веки. Она слышала, как в коридоре коротко прожужжала трель звонка, некто обменялся парой фраз, и хлопнула входная дверь. Мелькнула надежда, что Бен ушёл. Оставил, наконец, её в покое и позволил без новых унижений пройти по острым черепкам разбитой жизни. Но чуда не случилось. Ледяных кистей коснулись тёплые руки, осторожно приподняли, и Джиллиан открыла глаза.

Бен стоял напротив неё и сосредоточенно хмурился, в то время как его подушечки пальцев едва ощутимо скользили по тонкой коже запястий. Потом, уже привычным жестом, он задрал оба рукава платья, осмотрел с трудом различимые вены на сгибе локтя и опять вернулся к тыльной стороне ладоней.

– Тотальное истощение, гипертермия, явный стимуляторный психоз... Господи, я лишь надеюсь, что ты обошлась без рабдомиолиза<sup>2</sup>, и почки ещё живы, – пробормотал Бен, продолжив ощупывать явно понравившуюся ему вену на левой руке Джил. Удовлетворённо выдохнув, он потянулся к стоявшей рядом картонной коробке, выдернул оттуда пару перчаток, но неожиданно замер и стиснул жалостливо скрипнувший нитрил. – А ведь я даже в больницу не могу тебя отвезти! Один анализ – и ты сядешь.

Рид отшвырнул прочь испорченную нежно-голубую пару

---

<sup>2</sup> Синдром, при котором наблюдается разрушение клеток мышечной ткани и возможна острая почечная недостаточность.

и устало потёр лицо. Он опёрся бедром на журнальный столик, где валялись какие-то странные пакеты, и долго-долго на них смотрел. Наконец, длинно выдохнув, Бен перевёл взгляд на застывшую в одной позе женщину и тихо спросил:

– Ты помнишь, какая была дозировка? Сколько всего капсул?

Джил прикрыла глаза и отрицательно покачала головой. На несколько секунд стало тихо, затем раздался шелест ткани, лёгкое дуновение воздуха, и ладонь снова осторожно подняли. Но вместо очередного осмотра, Бен неожиданно прижал её к своей впалой щеке, переплёл их пальцы и коснулся губами прохладной кожи. Он молчал долго, прежде чем прошептал:

– Я постараюсь быть очень осторожным, но ничего не обещаю... Слишком давно не было практики.

Ещё один невесомый поцелуй, и он разорвал прикосновение, повернувшись к заваленному хламом столу. Из-под полуприкрытых век Джил равнодушно следила, как Бен опрыскал ладони антисептиком и натянул перчатки. В его движениях не было ни капли торопливости или неуверенности. Скорее, механическая, бездумная привычка, когда Рид ловко перетянул жгутом её руку чуть ниже локтя, протёр кисть стерильной салфеткой и распечатал бумажный пакет. Джил узнала иглу с яркой синей крышкой порта и ошарашенно распахнула глаза. Серьёзно? Он же не хотел... Это не смешно! Что, прямо здесь? Собственноручно?

Застыв в полном недоумении, Джил уставилась на сосредоточенное лицо Рида, которое стало удивительно отрешённым, словно он был сейчас очень далеко. Его пальцы машинально похлопали по тыльной стороне ладони, вынудив ток крови приподнять вену повыше, бесчувственный взгляд уткнулся в синевшую полосу, а затем Бен спокойно сдёрнул с иглы колпачок. Когда остриё проткнуло кожу, Джил не вздрогнула, даже не вздохнула, продолжив всё так же ошарашенно наблюдать за склонившимся над ней Ридом. А его тело явно двигалось само – мышечная память всегда долговечнее умственной. Вот и сейчас, дойдя до нужной точки, руки спокойно выдернули иглу вместе с пластиковой основой и полуласковым движением проверили расположение катетера.

– Боль? Дискомфорт? – сухо спросил Бен и впервые сосредоточил взгляд на лице Джиллиан. Она отрицательно покачала головой. Удовлетворённо кивнув, доктор Рид вернулся к мутным пакетам и принялся их распаковывать.

Он достал прозрачный флакон раствора, быстро огляделся, шаря задумчивым взглядом по стенам, а потом удалился на кухню и вернулся с обычной вилкой, которую до упора воткнул между набившихся на одну из верхних полок книг. Подвесив на импровизированный крючок пакет, он подсоединил к нему инфузионную систему, спустил воздух и аккуратно соединил капельницу и катетер. После этого Бен наконец-то проговорил:

– Это обычный солевой раствор и глюкоза. Больше я ничего не могу, потому что не знаю, как организм отреагирует на сочетание веществ... Не знаю концентрацию амфетамина в крови... Не знаю даже его форму. – Взгляд Бена был тяжёлым. – Нужно проверить почки и вывести хотя бы часть... этого дерьма. Джил? Ты слышишь меня?

Она не отреагировала. Бен попытался было сказать что-то ещё, но поджал губы и опустил на пол, прислонившись к подлокотнику её кресла. Воцарилась тишина, которую нарушало лишь тиканье часов на стене. Джил бездумно смотрела, как секундная стрелка неумолимо бежала вперёд, отмазывала минуту за минутой и приближала тот час, когда всё начнётся. Наверное, стоило поблагодарить Бена за заботу, но как-то не получалось. Собственный разум отказывался возносить хвалу тому, кто собственноручно толкал его в кошмар агонии. Скоро... Это случится скорее, чем она полагала.

О, она знала, когда приближался тот самый момент, после которого в голове не оставалось ни одной связной мысли, кроме *ещё, ещё, ещё...* Это был поиск дозы. Нервное, почти истеричное существование, которое, если вовремя не прервать, перерастало в настоящую боль. Сначала голову раздирали безумные рези, от которых рвало желчью, и не помогала ни темнота, ни обезболивающие. Потом тело скручивало тупое, выворачивающее суставы нытьё. Ну а затем депрессия ставила точку. Для кого-то смертельную, для остальных... А были ли такие? Без терапии... Джиллиан не знала и очень не

хотела проверить на себе, но Бен решил за неё. И оставалось только надеяться, что он уберётся отсюда до всего этого ужаса, потому что выслушивать новые сентенции о ничтожестве будет совсем уж невыносимо.

Однако, спустя четыре часа, Джил опять оказалась в ванной, где под взглядом успокоенного работой почек Рида, она потирала ноющую от катетера ладонь. Джил знала, что скоро будет просить, умолять, угрожать и делать ещё много чего, но пока...

– Руку, – скомандовал Бен, отворачиваясь, а сам зубами вскрыл упаковку пластыря.

– Уходи, – хрипло сказала Джиллиан впервые за эти часы, и Рид настороженно замер. – Я съеду в ближайшие пару дней. Извини за беспокойство.

Она врала, понимая, что убежать придётся прямо сейчас. Куда угодно: в гостиницу, ближайшую подворотню, в ад, потому что через два дня на её месте уже будет неменяемый овощ. А значит, надо звонить Оливии, просить рецепт, и вновь пускать амфетаминовое колесо. Но коротко прошуршала пустая пластиковая обёртка.

– Ты останешься здесь, а я останусь вместе с тобой, – совершенно будничным тоном произнёс Бен.

– Не думаю, что...

– То, что ты не думаешь, я уже понял, – холодно хмыкнул он, вынудив задохнуться от гнева. Однако Бен проигнорировал это злое сопение, устало скрестил на груди руки и

привычно оперся бедром о туалетный столик. — У тебя истощение, психоз, расстройство пищевого поведения и, бог его знает, насколько пострадал мозг.

— Пытаешься запугать меня диагнозами?

— Играюсь в твою любимую лингвистическую эквилибристику, — вздохнул он. — Джил, это значит, что я остаюсь. И ты остаёшься со мной. Пока всё не закончится.

Сообщив это, Бен вышел из ванной комнаты, но по пути прихватил маникюрные ножницы и даже пилочку для ногтей. Кажется, он подозревал, что его ждёт.

Вечер и ночь прошли в вялом мелькании телевизионных каналов, которые Джил перещёлкивала в попытке найти хоть что-нибудь интересное. Она лежала, свернувшись калачиком на огромной кровати, Бен сидел в глубоком кресле, закинув длинные ноги на край постели. Она не знала, спал ли он хоть пару минут, пока сама бродила в бесконечной полудрёме не в силах провалиться в нормальный сон, но говорить было не о чем. Если, конечно, не считать сухой благодарности за поданное полотенце, когда её вырвало только что съеденным супом. Нет, Рид готовил нормально, но желудок просто не мог справиться с пищей и тут же извергал всё обратно. Бен, видимо, об этом знал и потому требовал от Джиллиан сидеть, стоять или лежать где-то в непосредственной близости от него, чтобы регулярно проверять её состояние. Слава богу, душ он позволил принять в одиночестве, но



Джил не сомневалась, что за дверью Бен прислушивался к каждому шороху. Наверняка ждал, что его неожиданная пациентка будет искать заначки амфетамина, хотя сделать это незаметно было попросту невозможно.

Однако к вечеру следующего дня ни одного из них эти мысли больше не беспокоили. Организм Джиллиан окончательно сдался и выдал такую умопомрачительную температуру, что её беспрестанно била дрожь, а сознание то и дело проваливалось в вялый, прерываемый поверхностным сном, бред. Мышцы горели от боли, и Джил металась по кровати, впиваясь пальцами в рвущееся на части тело, пока Бен прикладывал лёд и вливал новые капельницы. Он гладил по влажным от пота волосам, что-то ободряюще говорил, но Джил не слышала. Уши и мозг забили воскресшие из прошлого голоса, раздробив в мелкое крошево голову. Да, в самом начале этого ужаса Джиллиан ещё понимала, что всему виной выход из глупой амфетаминовой петли Мёбиуса, но потом видения заполонили всё её больное сознание.

Она наверняка выболтала всю свою жизнь: раскрыла секреты и грязные тайны, однако Бен всё равно отчаянно целовал покрытый испариной лоб и постоянно был рядом. Джил не знала который час или день, путалась в ощущениях дня и ночи из-за плотно задёрнутых жалюзи. Бен велел спать. И она честно пыталась, но не могла. У неё просто не получалось. Воспалённый мозг бился в поисках знакомого чувства искусственной бодрости, а когда не находил, впадал в

нервное возбуждение. Тогда Джил бесилась, орала, ругалась, швырялась посудой, едой и одеждой, пыталась даже подраться. Она не понимала, что делает. Её психика не выдерживала.

Однако каким-то неведомым чудом, а может, врачевным чутьём Бен всё же нашёл выход. Осторожно перебрав несколько видов бесполезных снотворных, в один из дней он, движимый, скорее, инстинктивным чувством отчаяния или банальной усталостью, подхватил нервно дрожавшую Джиллиан на руки. Словно маленького ребёнка, Бен укачивал её под свою равномерную поступь, кружил из комнаты в комнату, и, ни разу не сбившись с ритма, ровно ступал по стройным, чуть скрипевшим доскам. Его брожения длились часами. Джил точно не знала, но чувствовала, как плавно качалась в такт его шага, отчего мысли будто бы сами подстраивались под эту успокаивающую монотонность. И тогда, опустив голову на широкое, пахнувшее сигаретным дымом плечо, Джиллиан закрывала глаза. В себя она приходила в кровати, когда, очнувшись после короткого сна, ощущала пальцы, что нежно распутывали рыжие пряди. Да, наверняка от тяжести ноши у Бена болели руки, но он молчал и с тех самых пор упрямо вытаптывал в темноте спальни дорожки. Это был его ритуал.

Конечно, он отлучался в минуты, когда Джиллиан проваливалась в короткий сон или обморок, потому что, очнувшись, она не понимала, откуда взялась еда и чистые влажные

полотенца. Но всегда, стоило открыть глаза, Бен был где-то поблизости. Чаще – сидел на полу рядом с кроватью, скрестив свои невероятно длинные ноги, реже – листал очередной журнал или делал в ноутбуке пометки, пока думал, что она ещё спит.

Как-то раз, в одно из таких путешествий в поисках сна, Джил уже задремала, когда вдруг услышала шёпот. Скорее всего, Бен думал, что она уже спит. Однако, осторожно присев на кровать, он неожиданно сильно прижал к себе безвольную Джил, которую зачем-то всё укачивал на руках, и пробормотал в спутанные волосы:

– Я не знаю... Не знаю, мартышка, сможешь ли ты когда-нибудь меня за *это* простить. За то, что я тебя не услышал... не понял... заставил пройти через всё именно *так*. Ты пыталась сказать...

Бен неожиданно прервался и осторожно освободил одну руку, чтобы мягко очертить наверняка заострившиеся скулы на лице Джил. И сердце забилось чаще. Джиллиан понимала, что должна открыть глаза, обязана доказать – она не сердится, никогда бы не стала... Но в тепле объятий было слишком спокойно и слишком хорошо для тревог этого мира.

– Дерьмо! – неожиданно зло выругался Бен. – Нужно было сделать по-другому. Мне следовало быть внимательнее, заботливее, придумать что-то ещё... Но теперь уже поздно, да? Ты прошла через всё сама, моя маленькая, неугомонная обезьянка. Прости меня за это...

Он замолчал, прислушиваясь к ровному глубокому дыханию, а потом легко поцеловал её искусанные, потрескавшиеся губы. И после паузы длиной в одну жизнь Рид произнёс: – Боже, Джил! Что же мы с собой сделали?..

В тот день или ночь, а может быть, утро Бен просидел ещё долго. Он раскачивался с Джиллиан на руках из стороны в сторону, иногда гладил по волосам, но с тех пор не позволил себе ни одного откровения. С профессиональным хладнокровием Рид теперь ревностно скрывал переживания или сомнения. Настойчивыми просьбами Бен едва ли не по расписанию скармливал Джил почему-то всегда жирную и сладкую пищу, а потом заставлял спать под свой уверенный шаг. И жар отступил, но вместо него пришла сухая равнина бездушная, в которой не было ни эмоций, ни желаний, ни мыслей. Только выгоревшее полотно вместо души.

Это произошло незаметно, но Бен почувствовал. Он резко распахнул шторы и впустил тусклый утренний свет. У Джиллиан не было сил даже моргнуть, словно температура и последствия ломки выжали последние крохи желания жить. Конечно, она слышала Бена, который пытался что-то сказать про восстановление функций в её хвором мозгу, но лишь отвернулась и равнодушно уставилась на одну из книжных стен. Оскорблённый подобным равнодушием Рид замолчал и вышел из комнаты. До Джил долетел шум воды в ванной, на что она не обратила внимания, а потом её тело неожиданно подняли и куда-то понесли. Господи! Ну что ещё ему надо?

В ванной комнате оказалось отвратительно светло, и Джиллиан заморгала, внезапно ощутив себя заблудившейся в дневном лесу совой. Наверное, именно поэтому она не сразу почувствовала, когда Бен начал расстёгивать пуговицы её пижамной кофты в дурацких скачущих единорогах. Кстати, как та вообще на ней очутилась? Однако, приподняв бровь, Джил с вялым интересом наблюдала за скрупулёзными движениями. Это было любопытно. Нет, если говорить честно, поведение Рида казалось слегка безнравственным. В теории. И в ответ на эту мысль мозг даже вяло колыхнулся, но тут же равнодушно успокоился, не желая ввязываться в поиски ненужных смыслов. Ему было всё равно.

Тем временем Бен стянул пропитанную недавней лихорадкой ткань, ни на секунду не задержался взглядом на почти обнажённом синюшно-бледном теле, а затем дёрнул вниз нелепые пижамные штаны. Всё с тем же спокойствием он снова подхватил Джиллиан на руки и опустил в уже набравшую ванну. Стало настолько тепло, что Джил блаженно смежила веки, не видя смысла держаться за бортик. Утонуть сейчас стало бы не меньшим счастьем.

– Даже не думай. – Бен верно угадал ход её мыслей. Он как раз осторожно протирал пенной мочалкой руку, где ещё недавно красовался катетер.

Джил чуть повернула голову и впервые за это время внимательно на него посмотрела, почти наяву ощутив, с каким скрежетом двигались в голове ржавые шестерёнки мыслей.

Бен выглядел... хреново. Осунувшийся, заросший ужасной щетиной, с чёрными провалами синяков под потускневшей медью глаз, он стоял на коленях рядом с ванной. Его некогда смуглая кожа странно серела на фоне ворота белой и жутко мятой домашней футболки. Слегка опустив взгляд, Джиллиан посмотрела на видневшиеся из-под широких домашних штанин огромные босые ступни, и столь неловкое зрелище заставило нахмуриться. Она его не понимала.

– Какой сегодня день?

Долго молчавший голос прозвучал хрипло. Метнув на Джил быстрый взгляд, Бен поджал губы, подавил облегчённый вздох и нарочито равнодушно проговорил.

– Ты проспала День лояльности, но ещё успеваешь поправиться ко Дню памяти<sup>3</sup>.

Джиллиан медленно моргнула, словно тупая рыбёшка. Что? Мысль вяло втекла в разум и сразу застопорилась. Господи, неужели так сложно назвать число? Тряхнув головой, Джил почти физически ощутила, как больно думать. Но тут, видимо, заметив ничего не выражающий остекленевший взгляд, Бен всё же добавил:

– Пошли седьмые сутки. Тебя не было почти неделю.

Кивнув, она снова уставилась перед собой и послушно по

---

<sup>3</sup> 1 мая. День, когда американцы выражают лояльность своей стране. На всех государственных зданиях вывешиваются флаги, в некоторых штатах проходят парады и церемонии. В этот день Президент США выпускает обязательную прокламацию празднования. Последняя неделя мая – день памяти погибших американских военнослужащих.

команде закрыла глаза, когда Рид принялся тщательно намыливать её голову. И снова она не понимала. Не могла найти ни мотива, ни выгоды. Серьёзно, зачем столько бесполезной возни? Не проще ли выкинуть её никчёмное тело на социальную помойку хосписа, избавив себя от хлопот? Джил попробовала углубиться в эту мысль, но мозг снова отказался. Слишком тяжело. Так что она лишь вздохнула. Бен – глупый, благородный чудак, который думал, что она трахалась за дозу.

Неожиданно это воспоминание резануло по глазам такой острой болью, что Джил содрогнулась. Конечно же, её смятение немедленно скрыло пенной водой, но Бен заметил.

– Мыло? – обеспокоенно спросил он, быстро сполоснул руки и протянул их к лицу. Но Джиллиан отрицательно покачала головой, и Рид замер.

– Я никогда не изменяла мужу, – пробормотала она, бездумно разогнав ладонью собравшуюся у бортика пену. – За все десять лет... За всю мою жизнь у меня не было никого, кроме него.

– Знаю, – неожиданно торопливо проговорил Бен и одним быстрым движением прижал Джил к себе, не замечая, как мокнет от стекавшей воды ткань футболки. – Я знаю. Прости меня...

– Я не продавала себя за дозу. Пожалуйста, поверь мне! – перебила она, вцепившись угловатыми пальцами в мужскую руку. Взволнованно всколыхнулась затхлая муть

эмоций, а из груди неожиданно вырвался истеричный смешок. Полубезумный. Вряд ли Джил понимала, что говорит. – У нас с Джимом всё сложно. Хуже не бывает. Я постоянно ему лгу, нас ждёт развод, он подозревает, что я спала с тобой. Или с кем-то другим. Не знаю. Но я никогда... никогда... Я натворила столько ужасных вещей, но никогда бы...

– Тише, тише... Я всё знаю.

Бен снова монотонно закачался из стороны в сторону, отчаянно утягивая за собой в ритм спокойствия. А Джил чувствовала уверенно обнимавшие руки, слышала гулкое бие-ние сердца, видела упрямо поджатые губы и лихорадочно пыталась ухватиться за всё сразу. Вцепиться, как делает потерявший опору на отвесной стене скалолаз – за малейшую выбоину или выступ. А потому Джиллиан впивалась ногтями во влажную тёплую кожу предплечья и мечтала добрат-ся до самого сердца. Туда, где ей сулили защиту. Туда, где наконец-то нашлось бы ей место. Джил не верила ни в кого, кроме Рида, и безумно хотела, чтобы он верил в ответ... Но не знала, как это сделать. Как вернуть то, что было утрачено ещё до того, как нашлось? Однако спрятанная в её мокрых волосах едва улыбка дарила надежду. Она прорезала груз-ный мрак нежелания жить, вынудив сильнее вцепиться в ка-менные мышцы нежно баюкавших рук. Изо всех сил Джил втянула ставший таким родным запах.

– Даже в бреде ты болтаешь удивительно связно, мартыш-ка.





## **Наши дни**

### **Вашингтон, округ Колумбия**

*Октябрь*

*12 дней до президентских выборов*

Джиллиан постучала ногтями по картонному боку стаканчика и взглянула на часы. Она знала, что пришла раньше, чем нужно, но вырваться удалось только под предлогом очередной встречи с рекламщиками. Поэтому, вооружившись поддержкой Баррета, первую половину дня Джил добросовестно перебирала эскизы плакатов, вносила последние правки и красным маркером перечёркивала антрефиле. Затем она ругалась с фотографом, который умудрился напечатать не те снимки, и договаривалась о финальных эфирах. В общем, привычно и почти бездумно раскручивала колесо бренда «Бенджамин Рид».

Однако каждую минуту, среди слов, фраз и картинок, в голове Джил вела обратный отсчёт стрелка часов, что громыхала подобно дробу. Пальба велась не переставая и закончилась ровно в полдень, когда, торопливо накинув пальто, Джиллиан вбежала в кабину лифта. Баррет успел в самый последний момент, чуть не оставив в коридоре половину ботинка и прищемив железными створками полу куртки. Лифт вздрогнул, загудел, и Джил прислонилась лбом к холодной зеркальной поверхности. Где-то за спиной переступил с ноги на ногу секретарь и едва не ударился головой о стенку, когда попытался откинуть с глаз волосы. Она слышала, как он поудобнее перехватил тяжёлые папки, а затем устало вздохнул.

Бедняга. То, что для Джил было естественной средой обитания, порядком выматывало совершенно неготового к такому Элвина, но он справлялся.

– Вам не стоило назначать встречу так близко от Капитолия, – негромко заметил он. – Сейчас время обеденного перерыва, будет людно. Вас могут узнать.

– Кто? Спешащие в ближайшую бургерную помощники конгрессменов? Поверь, их больше волнует количество положенных в сэндвич огурчиков, – невнятно хмыкнула Джиллиан. Короткие волосы нагло лезли в рот и глаза. – Сегодня четверг, значит, их будет два, а не три. Это вызовет недовольство и ожесточённые дебаты, где каждый решит поупражняться в красноречии. Ничего нового. Огуречный спор между всеми ближайшими закусочными тянется уже бо-

лее десяти лет.

– Рядом находится служба вице-президента, – не унимался чёртов паникёр. – Если мистер Рид узнает, что вы встречаете...

Джиллиан стремительно развернулась и вздёрнула вверх палец, призывая немедленно замолчать. Но Баррет, видимо, всё-таки потерял между коэффициентами конверсии и избирательными договорами остатки здравого смысла и никак не хотел униматься.

– Мы не можем забывать, что за вами следят, – выпалил он, отчего вторая леди страны была вынуждена шагнуть вперёд и едва слышно процедить:

– Закрой. Свой. Рот.

И, кажется, у неё впервые получилась идеальная интонация Бена. Пустая. Ровная. Без единой зазубренности, что могла бы послужить опорой для сопротивления. А потому Элвин замолчал, как молчали все, кто слышал этот приказ, как когда-то молчала она.

Пойманное насупившимся Барретом такси пахло смесью индийских благовоний и стандартного автомобильного ароматизатора, который вызывал лёгкую головную боль. Так что, когда машина остановилась около Национальной галереи искусств, Джил с невиданной для её каблуков сноровкой выбралась на мостовую. Воздух октябрьской осени показался до одури сладким, впившись в мозг запахом прелой листвы и влажного гравия, который сочно захрустел под ногами.

Мимо пронеслись автобусы с изображением знаменитого вождя сауков<sup>4</sup>, и Джиллиан тихо фыркнула, гадая, откроется ли сегодня дома тотализатор.

Любовь к хоккею Бен скрывал долго и после переезда в Вашингтон либо смотрел матчи украдкой, либо довольствовался чтением газетных сводок. Игра была последней нитью, что связывала Риду с Чикаго. И хотя он и считал своё увлечение пустой тратой времени, но так и не смог избавиться от привычки со времён студенчества. А та, укоренившись в пору его губернаторства, переросла в мягкую одержимость.

Джиллиан узнала об этом совершенно случайно, из тихих споров во время президентской кампании Ван Берга, когда только пришедший на должность спичрайтера Макс и сломавший в бешенстве несколько перьевых ручек Рид проспорили два дня кряду, а потом чуть окончательно не разругались. И по словам «буллит», «тафгай» и «Горди Хоу», выловленным из сумбурной речи этих двоих, она наконец-то догадалась, о чём было столь яростное противостояние. С тех пор повелось, что трансляции матчей с участием «Чикаго Блэкхокс» и «Вашингтон Кэпиталс» проходили в резиденции Ридов под яростный хруст попкорна. Бен до сих пор не мог простить столичной команде победу в кубке Стэнли.

Проводив взглядом удаляющиеся автобусы чикагской команды, Джил повернулась к терпеливо ожидавшему её секретарю. Что же, пришло время последних наставлений.

---

<sup>4</sup> Индейское племя.

– Скажешь хоть слово – ты уволен. Подойдешь ближе, чем на десять футов – ты уволен. Попробуешь обсудить с кем-то – уволен и можешь срочно менять имя, внешность и адрес, потому что я найду тебя и убью. Ясно? – вполголоса, с мягкой неестественной улыбкой и почти ласково проговорила Джиллиан.

– Лучше бы вы так о себе беспокоились, – пробормотал Баррет, вздохнул и поудобнее перехватил тяжёлые папки.

– Не мне сидеть в Овальном кабинете, Элвин, – хмыкнула она, а затем села за уже знакомый металлический столик. – Партия проиграна, когда рубят Короля, а не выбившуюся в Дамки пешку. К тому же не ты ли просил меня именно об этом?

Баррет помолчал, раздражённо наблюдая за возящимися в песке воробьями, а потом устало опустился рядом.

– Всё это неправильно, – буркнул он и с тяжёлым стуком кинул на столик осточертевшую ношу. – Не знаю, какие выдвинули условия. Но судя по всему, не меньше, чем на государственную измену.

Джил криво усмехнулась и посмотрела на экран молчавшего телефона – до нужного часа оставалось ещё пятнадцать минут.

– Ты слишком много думаешь, – мягким голосом произнесла она и нарочито небрежно добавила: – Кофе?

Получив стаканчик с дешёвым напитком, о котором да-

же не просил, Баррет удалился обозревать окрестности и вести переговоры с менеджером одной из музыкальных групп. Так что, когда рядом хрустнул под тяжёлой подошвой гравий, Джил оказалась один на один с замершей над ней долговязой фигурой. На стол опустился протокольный чёрный портфель, а следом нераскрытый зонт. Джиллиан не хотела смотреть, но взгляд всё равно заскользил по бледным мужским рукам, где виднелись чахлые веснушки, мазнул по чёрной шерсти пальто и упёрся в выцветшие глаза бывшего мужа. Маска на лице Джиллиан сидела плотно, ни дрожанием ресниц, ни едва ощутимой кривизной губ не выдавая удивление.

Джим выглядел плохо. Пожалуй, даже паршиво, но упорно пытался за привычной бездушной усмешкой скрыть ещё более запавшие скулы. Будь всё иначе, Джил сочувственно покачала бы головой, но многолетняя дрессура действовала идеально, исказив ярко накрашенный рот в вежливой улыбке.

– Какая приятная встреча, – протянула она. Вышло немного наигранно, но вести изящные беседы с О’Конноли не было ни сил, ни желания.

– Убого врёшь, – холодно откликнулся Джеймс и с чуть безгловым выражением лица уселся напротив, неожиданно достав из кармана пальто пачку сигарет. Запрещающий знак остался без внимания, а бровь Джиллиан в совершенно искреннем удивлении поползла вверх.

– Не знала, что ты куришь.

– А хотела бы узнать? – пробормотал О’Конноли и затаился. Он чуть прищурился, посмотрев в равнодушные глаза Джил, а потом покачал головой. – Нет, конечно же, нет. Зачем тебе это.

– И давно? – Она проигнорировала последние слова и постаралась успокоить собственные пальцы, что безостановочно вертели стаканчик с остывшим кофе. В этом году октябрь выдался удивительно холодным.

– С тех пор как твой муж позаботился, чтобы я навсегда спустился на землю.

– Здесь оно как-то надёжнее, чем в небе, Джим, – хмыкнула Джил и всё же подняла взгляд, встретившись с неожиданно внимательными глазами бывшего мужа. – Что ты хотел?

О’Конноли в очередной раз затаился и уставился в бледное голубое небо, а потом неожиданно рвано улыбнулся.

– Я хочу предложить тебе кое-что, – проговорил он, изучая узорчатость дымки с редкими диагональными росчерками инверсионного следа.

– Ты или... – Джиллиан сделала многозначительную паузу, предлагая ему самому озвучить причину такого... экспромта. То, что их разговор не был запланирован, стало понятно с первой же секунды, стоило Джеймсу повернуться спиной к наполненному людьми парку.

– Твоя встреча с командой не прошла незаметно. О ней знаю я, а значит, в курсе и Сандерс, – подтвердил он догад-

ки. – Мне было велено вынести тебе предупреждение, в следующий раз снимки окажутся в печати. Однако Джонатану очень не хотелось бы доводить до таких крайностей. Ему не нужен скандал, ему нужны бумаги и только бумаги.

– Как и тебе, – кивнула Джил, сделав небольшой глоток, и непроизвольно скривилась от горечи. – Я знаю, что там есть твоё имя. Но всё это ты мог озвучить по телефону, не подставляя меня ещё больше.

– Когда Рида оповестят о твоём участии, будут ли хоть что-то значить наши встречи? Не думаю, милая, – хмыкнул О'Конноли, но улыбка вышла вымученной, выдав сковывавшее его напряжение.

Он сцепил длинные пальцы, в которых вращал сигарету, но неожиданно обжёгся и тихо выругался. Окурок полетел под ноги. На секунду поджав бледные губы, Джеймс сухо заговорил:

– То, что я сейчас озвучу, не было санкционировано. Это... моё личное предложение.

– Надо же.

– Думаю, ты догадываешься, что как только документы окажутся у Сандерса, на тебя начнётся охота. Джиллиан Рид знает слишком много лишнего, видела ненужных людей, говорила... со мной. Ты потенциальная угроза их спокойствию, которую захотят устранить как можно скорее.

Он замолчал и снова переплёл бледные пальцы, попытавшись за непринуждённостью позы скрыть серьёзность



происходящего. Но Джил лишь дёрнула щекой, вымученно улыбнулась и положила недрогнувшие руки на стол. Что же, этого следовало ожидать. Глупо вышло. Погналась за одним, а подставилась в другом. Непрофессионально.

– Ну, я благодарна тебе за информацию, – ровно проговорила она, не зная, что ещё можно сказать в этой странной ситуации. Предупреждения Джеймса были уже бесполезны, потому что повлиять на исход Джил уже не могла. Как не могла выйти из игры. Оставалось только делать, что должно, и верить в удачу. Она что-нибудь придумает, правда?

– Я... – неожиданно замялся О'Конноли.

– Лучше хорошенько подумай, прежде чем озвучивать опасные мысли, Джим. У меня нет другого варианта, и ты об этом прекрасно знаешь.

– Есть, – быстро проговорил он, а затем раздосадованно покачал головой и достал новую сигарету из потрёпанной пачки. В следующий момент он торопливо вываливал на Джил, видимо, давно накопившиеся слова. – Я могу помочь. Когда документы будут у Сандерса, ты уедешь. У меня есть возможность спрятать тебя так, чтобы они не нашли. Никто не нашёл. Под моей защитой вы будете в безопасности. Ты и... твоя дочь.

Он махнул рукой, но даже ещё недослушав, Джиллиан знала, каким будет конец. Дочь. *«Твоя дочь»*. Не Бена, не четы Рид. Только её. Чёрт возьми, как же Джим не подавился-то этим словом? Джиллиан посмотрела в лживо-обес-

покоенные глаза когда-то знакомого человека и задумалась, сколько же ещё дерьма хранилось в душе Джеймса О'Конноли. Господи, а раньше казалось, что она изучила его до последней веснушки. Брать на себя ответственность за чью-то смерть непросто, да, дорогой? Уж она-то знала об этом всё.

– Вот как? – Тонкая рыжая бровь взлетела вверх. – Ты предлагаешь сбежать?

– Да.

– Совесть заела?

– Я не хочу твоей смерти.

– Давно ли? – прошипела Джил. – Помнится, когда ты бросил меня в пустом доме, у тебя даже близко не было подобной гуманности. Так что случилось теперь? Замолил грехи и получил парочку индульгенций? Извини, не помню, чтобы подписывала тогда что-нибудь, кроме бумаг на развод.

Она стремительно поднялась, вынудив О'Конноли вскочить следом.

– Я не горжусь тем, что сделал, – медленно проговорил он, чем заслужил новое хмыканье. Действительно, хвалиться там было нечем. – И хочу как-то извиниться...

– Что?! – Вышло слишком громко, отчего несколько сидящих рядом людей посмотрели в их сторону, а потому Джиллиан сбавила тон. – Ты жалок, Джим. Полнейшее ничтожество.

Она повернулась, чтобы уйти, когда Джеймс схватил её за руку, вынуждая остановиться. Он смотрел на неё так вни-

мательно, словно выискивал в чертах взрослой женщины ту девчонку, которую когда-то любил. Или думал, что любил. И тогда на Джил навалились воспоминания. Они затопили разум удушающей волной и зазвенели болью в травмированных связках и рёбрах. Резко дёрнувшись в сторону, Джиллиан зло зашипела в накатывающих волнах паники.

– Подожди. Хотя бы подумай над моим предложением. Подумай о дочери! Риду плевать на тебя. Ему нужен только Овальный кабинет!

– Не смей прикасаться ко мне, ублюдок. Не смей даже подходить! – прорычала она, выдернула-таки ладонь и с ненавистью посмотрела на бывшего мужа. В данную секунду Джил не слышала ничего, кроме эха глухих ударов и собственного крика. – Я принесу грёбанные бумаги и надеюсь, ты навсегда свалишь из моей жизни.



**6 лет назад**

**Чикаго, штат Иллинойс**

*Май*

*Chicago, Chicago, that toddling town  
Chicago, Chicago, I'll show you around, I love it  
Bet your bottom dollar,  
you'll lose the blues in Chicago  
Chicago, the town  
that Billy Sunday couldn't shut down*

*On State Street, that great street, I just wanna say  
They do things that they don't do on Broadway*

*They have the time, the time of their life  
I saw a man, he danced with his wife  
in Chicago! Chicago!  
Chicago, my home town*

*Чикаго, Чикаго — шумливый город,  
Чикаго, Чикаго, я вам его покажу, обожаю его!  
Можете поставить ваш последний доллар —  
В Чикаго нет места для грусти,  
Чикаго — город,  
Который не покорил даже Билли Сандей*

*На Стейт-стрит, этой великолепной улице, скажу я,  
Творится то, что не делают и на Бродвее*

*Здесь у людей есть время — целая жизнь!  
Я видел мужчину, он танцевал со своей женой  
в Чикаго! Чикаго!  
Чикаго — это мой город!*

Джиллиан повела плечами и чуть повернула голову, чтобы до боли в глазах всмотреться в раскалённые проволоки начинающегося заката. Ещё было только четыре часа, но солн-

це бронзовыми отсветами уже прорезало облака. И стоило лишь смежить веки, как перед глазами зеленоватыми линиями карандашного наброска вспыхивала только что увиденная картина – штрих влево, штрих вправо, рассечь наискосок. Это было красиво, почти завораживающе, что хотелось бесконечно скользить взглядом по тонкой линии, едва поспевая за меняющейся неровной сеткой.

С момента, как закончилась ломка, прошла неделя, которая далась Джиллиан тяжелее, чем все проведённые годы в Конгрессе. Она... не успевала. Была настолько растеряна, будто в той амфетаминовой лихорадке сгорел её мозг, эмоции и сама личность. Джил неуверенно двигалась, с непроницаемым лицом сидела на каждодневных летучках команды, ехала, куда говорили, что-то делала, с кем-то общались, но выпадала из реальности всякий раз, стоило остаться одной. Ей казалось, что она захлёбывается информацией, тонет в ней, как бездарный пловец, и похожа на антикварную мебель, которую хранят ради былой истории и приятных воспоминаний.

Однако Бен не сдавался. Словно волшебник, он ловко сглаживал путаницу слов и абсурдность заявлений своего консультанта, с одного взгляда находил простейшие арифметические ошибки и переписывал вместо Джил речи собственных выступлений.

Но затем на город опустился туман, и стало так тошно, что Джил вдруг поймала себя на мысли выйти в окно. Про-

сто шагнуть в открытую раму и раствориться в плотном сумраке облаков, которые двигались со стороны озера. Вчера, привычно укачивая Джил перед сном, Бен тихо рассказывал, как те медленно наползали на его родной город. Как, раскинув лапы, пробовали на вкус Мичиган, откусывали по лоскуту с каждой стороны большого маяка и осторожно поглаживали волны. Ему казалось это красивым, но Джил стояла около огромных окон офиса и смотрела, как пелена пустоты постепенно сжирала Чикаго.

Она воображала, что серость впиталась в некогда яркие улицы, стёрла номера домов и растворила в себе фонарные столбы. Остались только застывшие во времени высотки, которые, подобно перстам судьбы, прорезали плотные облака. А те клубились прожорливыми кавернами и будто давили своим плотным маревом. Город, и Джил вместе с ним, вымер, истончился вгладь высоких стен и застыл ослепшими окнами цивилизации. Всё казалось зыбким, мутным, никаким и наполнилось тягучими мыслями, от которых часто веяло затхлостью. Словно не существовало никогда человека-Джил, а только гудящая пустотой оболочка.

Ребята странно оглядывались, Энн поджимала тонкие губы и поправляла большие очки, а Бен... О, вот на этом моменте из тумана выплывала отдельная причина для размышлений, но думать пока об этом было сложно.

С того самого утра, когда истощённый лихорадкой организм выдал нежданную исповедь, Бен больше не оставался

с ней на ночь. Он приходил утром, уезжал далеко после полуночи, почти не спал, не ел и смотрел так внимательно... Словно чего-то ждал, а она никак не могла догадаться. Джил не знала, когда Рид уходил, не слышала шорох одежды или щелчок замка. Но в один момент вокруг становилось так пусто, будто что-то отняли или грубо забрали. И тогда она открывала глаза, а потом долго пялилась в потолок, пока в голове вертелась мелодия, которую часто напевал Бен во время полуночных бодрствований.

Джиллиан не понимала, что происходит с ним или с ней, но никого не винила. Как можно разобраться в чужом человеке, если она сама не узнавала себя? И всё же Бен постоянно был рядом. В поездках или на встречах, на митингах или у журналистов. В конференц-залах отелей, за декорациями телевизионных эфиров, в самолётах, метро, между съёмками или встречами, утром и вечером, ночью и днём. Да, он не поднимал трепетных тем и не позволял себе больше положенной вежливости, словно не шептали они безумных признаний, не целовали ошалевшие губы, не ссорились, не мирились, не искали ответы в невольных мыслях и отражении глаз. Будто что-то провело между ними черту, если не убив чувства Бена, то вынудив их опасаться.

Впрочем, была ли граница такой уж незримой? Такой неизвестной? Или же Рид наконец-то открыл глаза и принял всю неприглядную правду?

*Chicago, Chicago, that toddling town  
Chicago, Chicago, I'll show you around, I love it  
Bet your bottom dollar,  
you'll lose the blues in Chicago  
Chicago, the town  
that Billy Sunday couldn't shut down*

*On State Street, that great street, I just wanna say  
They do things that they don't do on Broadway*

*They have the time, the time of their life  
I saw a man, he danced with his wife  
in Chicago! Chicago!  
Chicago, my home town*

*Чикаго, Чикаго — суетливый город,  
Чикаго, Чикаго, я вам его покажу, обожаю его!  
Можете поставить ваш последний доллар —  
В Чикаго нет места для грусти,  
Чикаго — город,  
Который не покорила даже Билли Сандей*

*На Стейт-стрит, этой великолепной улице, скажу я,  
Творится то, что не делают и на Бродвее*

*Здесь у людей есть время — целая жизнь!  
Я видел мужчину, он танцевал со своей женой  
в Чикаго! Чикаго!  
Чикаго — это мой город!*

Это случилось несколько дней назад. Вернувшись то ли из Куинси, то ли из Рокфорда и устав смотреть на туман, Джил присоединилась к Бену на кухне, где готовился ужин. Отныне она жила по строгому расписанию — еда, сон, новости, односторонние диалоги Бена с вялым вкраплением её неуместных и отчего-то скабрёзных реплик, и поездки... поездки... поездки. Рид не пропускал ни одного пункта и знал, что если не будет рядом, то подопечная тут же перестанет есть, спать и, возможно, даже дышать. Постнаркотическая депрессия делала своё дело. И хотя оба знали — это пройдёт, легче не становилось. Только хуже.

В последние дни Джил отказывалась выходить из квартиры, пропускала эфиры и предпочитала прятаться дома, чем неизменно доводила Бена до бешенства. Он ругался, спорил и хлопал дверями, а потом долго отсиживался в своём углу рядом с книжными полками. И пока Рид в обратном порядке считал список текущего созыва Конгресса, Джиллиан отупевши смотрела в окно. Так что, когда она испытала вне-



запный порыв помочь с овощами, Бен тщательно скрыл свой оптимизм.

Меланхолично нарезаая морковь, Джил вновь и вновь возвращалась к своим вялым мыслям. Однозначно было бы проще, уйди Бен тогда сразу. Потому что стыд, который накрывал каждый раз, стоило Джиллиан вспомнить о своём поведении в ванной, был просто невыносим. Страшно подумать, что было бы, поддайся Рид на убогую провокацию. И хотя куртизанка из Джил вышла хуже, чем даже жена, она не сомневалась, что Бен хотел. Видела взгляд, ощущала рукой совершенно очевидное возбуждение, чувствовала, как он дёрнулся к ней и тут же немедленно замер. Видимо, именно потому он теперь каждый раз отстранялся и отводил взгляд, стоило их прикосновениям задержаться чуть дольше положенного. Похоже, Бен действительно не хотел иметь с ней ничего общего. Но было же... Было!

Фыркнув от досады на собственное поведение, Джил раздражённо дёрнула ножом и тут же зашипела от боли в порезанном пальце.

– Дерьмо! – тихо выругалась она, ошарашенно глядя на рану.

– Всё в порядке.

Бен быстро вытер руки о полотенце и протянул ладонь в молчаливой просьбе немедленно показать ему нанесённый ущерб. Право слово, реши Джил самоубиться, то выбрала бы что-нибудь поинтереснее четвертования. Хотя, о чём она.

Позор с бритвой, о котором, слава богу, не знал никто, кроме неё, всё ещё стоял перед глазами. Позавчера она пыталась порезать вены безопасным Gillette, а потом долго в беззвучной истерике хохотала над собственным ничтожеством.

Тем временем Рид легко пробежался по ране, подушкой стёр каплю крови и чуть задержал в руках ладонь, совершенно машинально выписывая большим пальцем привычные круги и полумесяцы. Но затем он поднял взгляд, и Джиллиан застыла. С каким-то несвойственным волнением она ждала, что вот сейчас! Прямо в это мгновение, которое раньше он никогда бы не упустил, Бен поцелует или скажет очередное ехидство, обнимет, пошутит, сделает хоть что-то! Но вместо всех взметнувшихся в сознании фантазий он лишь ободряюще улыбнулся, а Джил лишилась последних кусков сердца. Да горите же в аду все её принципы!

– Твои мышцы ещё не восстановились. Видишь дрожание? Это парез. Надеюсь, остаточный, а не... – Бен хотел добавить что-то ещё, но передумал и отвёл взгляд. – Схожу за пластырем.

Джил поджала губы.

– Я сама, – немного грубо ответила она и выдернула пальцы из осторожной хватки. Мельком взглянув на чающую сковороду, она фальшиво улыбнулась. – Мясо пригорит.

Бен промолчал и лишь проводил её опять тем самым взглядом.

В ванной Джиллиан принялась раздражённо хлопать

дверцами в поисках злополучного пластыря. Она отодвигала банки с пеной и нераспечатанными гелями для душа, шуршала невесть как очутившимися праздничными упаковками и перебирала картонки с саше. С нарастающим негодованием Джил пыталась понять, куда могла запропасться целая упаковка чёртового пластыря. А потом, за очередной коробкой с салфетками, по стеклянной полочке нарочито медленно прокатилась белая капсула. Она липко стукнулась о нижнюю стенку шкафчика, на мгновение задержалась на краю, а затем доверчиво нырнула в протянутую ладонь. И мир будто остановился. Всё казалось сродни наваждению, когда, ощутив знакомую тяжесть, Джил инстинктивно сжала кулак. Сердце отчаянно заколотилось, мозг зашёлся в восторге предвкушения, пока Джиллиан судорожно дышала через рот и пыталась подавить тошноту.

Нет-нет-нет... Нельзя!

На лбу выступила испарина, когда она медленно разжала трясущиеся пальцы и уставилась на перепачканную кровью капсулу, прежде чем с коротким всхлипом судорожно вздрогнула. В полном отчаянии она вдруг поняла, что не справилась и никогда не сможет. Что неважно, сколько прошло времени – месяц, год, десятилетия – это с ней навсегда. До последнего вдоха она будет искать повод или причину вернуться к наркотику. Но когда Джил уже подняла было руку... когда уже почти ощутила на языке знакомую горечь, ладонь прорезало такой сильной судорогой, что тело произ-

вольно вздрогнуло. А следом дрогнула и соскользнула вниз капсула, описала круг возле сливного отверстия и, не обратив внимания на дикий испуганный вскрик, с тихим шорохом рухнула в черноту.

Рвано выдохнув, Джиллиан пошатнулась и вцепилась в край раковины, чтобы не рухнуть. Руки задрожали, пачкая кровью эмаль, но она не заметила. Длинно выдохнув, Джил подняла голову и обречённо уставилась в зеркало, ожидая увидеть привычное жалкое зрелище, но вместо этого, в ярком свете россыпи потолочных ламп, там замер Бен. Его руки до белых костяшек вцепились в гладкую стену, и Джил задохнулась от той боли, с которой он смотрел на сгорбившуюся перед ним изломанную женщину. И всё было понятно без слов. Она действительно его потеряла.

– Не могу найти пластырь, – наконец, едва шевеля побелевшими губами, прошептала Джил, хотя всем своим сердцем хотела просить о помощи.

– Внизу. Во втором ящике, – голос Бена был нарочито спокоен, но даже в зеркале Джиллиан видела, как лихорадочно бился на его шее пульс.

Танцующими от паники пальцами она смогла достать немедленно отыскавшуюся упаковку, которая лежала на самом видном месте и будто кричала о наглom вранье. Не заметить ту было попросту невозможно. Боже... Бен никогда ей не поверит. Джиллиан судорожно стиснула пачку, но что-то доказать уже не могла. И потому руки машинально пачкали

тонкий прозрачный пластик обёртки, пока пытались разлепить, казалось, намертво склеившиеся кончики. Она пробовала снова и снова, в каком-то исступлении уже рвала плотную липкую ткань, когда находившиеся на грани истерики пальцы накрыла большая мужская ладонь. Зашумела льющаяся из крана вода, руку обожги холодные струи, и вместе с лёгшим на кожу пластырем на ванную комнату рухнула недобрая тишина.

*Chicago, Chicago, that toddling town  
Chicago, Chicago, I'll show you around, I love it  
Bet your bottom dollar,  
you'll lose the blues in Chicago  
Chicago, the town  
that Billy Sunday couldn't shut down*

*On State Street, that great street, I just wanna say  
They do things that they don't do on Broadway*

*They have the time, the time of their life  
I saw a man, he danced with his wife  
in Chicago! Chicago!  
Chicago, my home town*

*Чикаго, Чикаго — суетливый город,  
Чикаго, Чикаго, я вам его покажу, обожаю его!  
Можете поставить ваш последний доллар —  
В Чикаго нет места для грусти,  
Чикаго — город,  
Который не покори́л даже Билли Сандей*

*На Стейт-стрит, этой великолепной улице, скажу я,  
Творится то, что не делают и на Бродвее*

*Здесь у людей есть время — целая жизнь!  
Я видел мужчину, он танцевал со своей женой  
в Чикаго! Чикаго!  
Чикаго — это мой город!*

С тех пор Бен стал ещё дальше. Каждый раз при виде его поджатых губ и нервно сцепившихся рук, Джиллиан грустно смеялась. Хотела деловых отношений, милая? Получай! Вот он, твой тщательно выпестованный профессионализм, где за сухим официозом могло прятаться целое государство чувств или же ничего. Но увидеть результат собственных действий оказалось удивительно больно. Потому что в тот момент, когда Джил оказалась готова взглянуть на Бена без искажающей наркотической призмы, он больше на неё не смотрел.

А она мечтала обнять чуть ссутулившиеся от усталости плечи, вплести в лакричную черноту волос пальцы, сделать и сказать так много, но не умела. Джиллиан не представляла, как говорить о чувствах, не понимала и, в общем-то, даже ни разу не пробовала, привыкнув к сухому обращению Джеймса. Любые проявления человечности будили в ней настороженность, с которой Джил существовала вот уже столько лет. Так что сейчас у неё не находилось ни слов, ни уместности из-за страха быть вежливо остановленной, как одёргивал сам себя Бен.

Он больше не жалел и не спрашивал, лишь ставил перед фактом или не информировал о своих планах вообще, отчего Джил по несколько раз на дню перепроверяла их расписание. В общем, Бен не делал поблажек. Он таскал её за собой по митингам, встречам и съёмкам, насильно кормил и точно ребёнка укладывал спать. Но чем больше проходило времени, тем отчётливее казалось, что всему виной не чувства к Джиллиан. Не забота, нежность или – ах, какие мечты! – любовь. Больше нет. Всё дело в фальшивой вине и проклятом рыцарском благородстве. Джил ведь больше никто. Ни жена, ни мать, ни любовница, ни профессионал и даже не человек с его обычными потребностями или желаниями. Отныне она – это поиск дозы.

Так что, да, им нужно поговорить. Эта необходимость зрела неделями и проявлялась всё чётче, вместе с выплывающим из тумана городом. И вот сегодня, когда Джил впервые

за эти дни увидела синее небо, неизбежность разговора свалилась вместе с лучами весеннего солнца.

– Знаю, ты не спрашивала, но рейтинги показывают неплохую динамику... Новая реклама, которую Джонас запустил в проблемных округах, приносит нам по семь с половиной человек в показатели. А ещё...

По-деловому сухой голос Рида пунктиром дорожной разметки вплёлся в ход мыслей, и Джиллиан вздрогнула. Она даже не помнила, как покинула офис. Но, видимо, Рид приказал идти, и она послушно пошла. Тем временем на колени приземлилась синяя папка с эмблемой демократов, и Джил попыталась сосредоточиться.

– Через несколько дней у меня запланировано интервью с мэром Спрингфилда. Ничего интересного – обычные разговоры на стандартные темы. Они прислали бриф, и я буду рад, если ты с ним ознакомишься. Он лежит в папке.

Джил плохо понимала, о чём говорил Бен. Мысли ещё сбивались в кучу, застревали где-то в районе барабанных перепонки и никак не желали протискиваться в черепную коробку. Мгла над городом рассеивалась, но голову Джиллиан по-прежнему набивали комья туманной ваты. Одно она знала точно: за вежливой «радостью» от её участия крылось ультимативное требование заняться работой. Но Джил ничего не хотела и потому отвернулась обратно, ведь город, к счастью, не требовал ничего. Мимо проносились фонтаны, ярко-жёлтые лодочки речного такси и передвижные жаровни

с местными хот-догами. Из приоткрытого окна неожиданно повеяло тёплым майским вечером и почему-то скошенной травой, что было странно посреди бетонного центра. Но... это Чикаго.

– Хорошо, – наконец кротко ответила Джил.

– Ну, в этот раз ты хотя бы меня слушаешь, – вздохнул Бен и, кажется, сам себе не поверил. Изящная Тесла бесшумно перестроилась в правый ряд, и Рид потянулся к огромному экрану панели управления. – Музыку?

– Как хочешь, – равнодушно откликнулась Джиллиан и всё же обратила внимание на папку. Просмотрев несколько документов, она на секунду зажмурилась и до конца открыла окно – похоже, её неумолимо укачивало. Тем временем машина завернула за угол и встряла в пробку.

– Вашингтон официально отказался от расследований. Забавно, но после твоего восхитительного падения в прямом эфире, всех больше волновало самочувствие главной ведьмы Конгресса, нежели покрытые мхом скандалы. Ты заслужила уважение... за свою работу. Кстати, офис завален письмами с пожеланиями скорейшего выздоровления. Можешь ознакомиться, если захочешь.

Бен прикурил, выключил немедленно замелькавший на экране грустный значок опечаленной хозяйскими привычками машины и размял затёкшую шею. Бросив на него быстрый взгляд, Джил едва подавила безотчётное желание поправить чуть задравшийся воротничок у рубашки и снова вздох-



нула. Выглянувшее солнце окончательно испарило туман и наполнило вечер духотой, отчего Бен стянул пиджак, закатал до локтя рукава и выкрутил на полную бесполезный кондиционер.

– Должен сказать, твоя дурацкая эскапада со статьёй помогла. Не уверен, что хочу знать, какую цену назначил за свою помощь Белл... Хотя, без сомнений, ещё крупно пожалею об это. Или, что вероятнее, ты пожалеешь...

Джиллиан вздрогнула, чем выдала себя с головой. Это, конечно, не укрылось от Бена.

– Не сказала бы, что у меня был другой выход.

Рид разочарованно покачал головой и едко протянул:

– А ты их искала? Другие выходы. Перебирала двери? Высматривала лазейки? Полагаю, назвать твои решения взвешенными будет весьма опрометчиво. Ты послушалась приказа...

– Не стоит благодарности, – всё так же безлико перебила она.

Бен осёкся, длинно выдохнул и переместил машину на пару дюймов вперёд, постаравшись не попасть под выхлоп пикапа. Повисла неуютная пауза, прежде чем едва ли не впервые затянувшись, Рид всё же открыл рот:

– Согласно журналу медицинского центра Чикагского Университета, всю позапрошлую неделю ты провела в частной палате, где приходила в себя после сильного обезвоживания.

Джиллиан повернула голову и чуть приподняла левую бровь. Неожиданно.

– А ты?

– А я раздавал бесконечные письменные интервью, летал в Вашингтон и боялся сделать шаг без своего консультанта, – вздохнул Рид и натянуто улыбнулся. Похоже, он только что придушил остатки собственной гордости ради спокойствия ничтожной миссис О’Конноли. Право слово, от такого благородства скоро можно будет ослепнуть.

– Спасибо.

И снова эта отвратительная, неполноценная тишина, которую следовало бы заполнить нужными разговорами. Но вместо этого Бен произнёс до банальности очевидную фразу.

– Ты права. Не мне тебя винить в поспешности. Я поступил не лучше. Мне следовало хотя бы попробовать определить тебя в клинику...

– Нет. Слишком опасно. Так что всё сделал верно. Можно скрыть депрессию, попытку суицида, но ломку вряд ли...

– В общем, – будто не слыша её слов, продолжил Бен, – хоть я и считаю подобные методы неприемлемыми, но мне следует тебя поблагодарить.

– Это моя работа.

Да, работа. А ещё дикое, животное желание спасти то, что так дорого. Но Джил промолчала и посмотрела на одну из небесных бронзовых полос, чувствуя, как вместо резкого запаха травы ветер принёс что-то сладкое. Желудок предатель-

ски заурчал, вынудив Бена недоумённо приподнять бровь.

– Надо же... Хочешь, заедем куда-нибудь? Бог его знает, когда мы доберёмся до дома, а такую возможность не стоит упускать. – Он кивнул в сторону подавшего признаки жизни организма и криво усмехнулся.

На самом деле, смешного здесь было мало. Надсадно трудившийся мозг до сих пор не восстановил убитые наркотиком клетки, и Бен не был уверен, что это вообще когда-нибудь произойдёт. Так что цирковое колесо еды по расписанию продолжало свой бег: была мартышка простая, а теперь дрессированная. Осталось только научиться ложиться спать по звоночку, впрочем, для этого у Рида был собственный метод.

– Не думаю, что это уместно, – покачала головой Джиллиан и снова принялась, ловя ускользавший сквозь сигаретный дым аромат... печенья? Вафель? Чёрт пойми, что это было, но желудок снова дал о себе знать, напомнив голодной болью.

– Господи, порой я тебя не понимаю. Изю всех сил стараюсь найти объяснение твоим поступкам, но попросту не могу, – со злым смешком неожиданно проговорил Бен, глубоко затанулся и досадливо покачал головой.

– Здесь нечего искать. Слухи расползаются точно змеи из разбитого вивария – быстро и беспощадно. На нас уже косо смотрят, недоумевая, почему вместо жены господина Губернатора по городам и весям с ним таскается похожая на неё

женщина. Ещё парочку таких сплетен, и вместо общественной любви к нам появится множество вопросов.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.